

Топонимический АЛЬМАНАХ

№2(18) 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические исследования

М. В. Романовская, А. Н. Колесин

Императорская Николаевская детская больница:
время и место. Часть 2 2

Г. Г. Мартынов, А. Г. Тимофеев

От Ваммельсуу до «Литераторских мостков». Леонид Андреев.
Посмертное. 29

А. Б. Рыжков

Имя Максима Горького на карте Петербурга и окрестностей ... 46

Мнения. Суждения. Идеи

Л. Пантелеев. О названии улиц 54

Л. Пантелеев. Ещё раз о том же 57

Сведения об авторах 60

М. В. Романовская, А. Н. Колесин

ИМПЕРАТОРСКАЯ НИКОЛАЕВСКАЯ ДЕТСКАЯ БОЛЬНИЦА: ВРЕМЯ И МЕСТО

ЧАСТЬ 2. МЕСТО

Земные и небесные координаты Санкт-Петербургской детской больницы

Императорская Николаевская детская больница за 83 года существования сменила три адреса. В соответствии с названиями островов Невской дельты, на которых размещался первый в Петербурге и России педиатрический стационар, выделяются три периода его истории: «Коломенский» (1834–1842), «Спасский» (1842–1912) и «Аптекарский» (1912–1917).

«Коломенский» период Санкт-Петербургской детской больницы (1834–1842)

Нравственная обязанность имущего спешить на помощь неимущему.
*Определение понятия «благотворительность» в энциклопедическом словаре
Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона*

Благотворительная Санкт-Петербургская детская больница под управлением инспектора физиката К. И. Фридебурга была освящена в Коломне в субботу 6 декабря 1834 г.¹ в день памяти Свт. Николая и «тезоименитства Его Императорского Величества благочестивейшего государя императора Николая Павловича»². Архиепископ Мир Ликийских Николай (270–343) почитается во всех христианских церквях как покровитель плавающих и путешествующих, целитель детей и защитник заключённых. Декабрьский день церковного почитания Свт. Николая («Никола Зимний») стал рубежной датой каждого последующего этапа существования детской больницы.

Мотивация освящения благотворительной лечебницы в день Свт. Николая не была случайной. Выбор небесного покровителя имел конкретные причины как частного, так и об-

¹ Все даты настоящего исследования приводятся по старому стилю.

² Пушкарёв И. И. Описание Детской больницы в С.-Петербурге // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. Ч. 5. С. 157.

щего характера. Первые, лежащие на поверхности, связаны с личными обстоятельствами жизни царствующего покровителя детской больницы, получившего в крещении имя Николай и давшего это имя своему третьему сыну в 1831 г. Николай I следовал семейному обычаю, назвав своих четверых сыновей теми же именами и в том же порядке, как и его отец. Менее явными причинами были духовные ориентиры благотворителей и традиция освящения именем святого *«начинание доброго дела»* ради духовного благополучия рода. Одним из ключей к прочтению неведомого нам Божественного замысла является малоизвестный факт признания Свт. Николая незримым покровителем рода Демидовых³. В одной пространственно-временной точке соединились милосердное служение фамилии русских промышленников, снискавших своими благотворениями *«право считаться действительными учредителями больницы»*, и благотворительность правящей династии.

Процесс осмысления знаково-символической и культурно-семантической сущности феномена русской благотворительности, неопровержимым доказательством которого является возникновение и бытование Санкт-Петербургской детской больницы, неразрывно связан с выявлением топонимов-индикаторов, перипетиями формирования городской застройки и системообразующими архитектурно-ландшафтными доминантами городских местностей. Безусловным фактом хронотопа детской больницы является сакральное значение дня освящения каждого из её месторасположений и устройство места молитвы, как неотъемлемой части пространственно-временной локации каждого лечебного заведения Российской Империи. С изменениями господствовавшей в общественном здравоохранении русского общества на протяжении XIX в. концепции «медицинской полиции» и духовно-нравственных установок Уваровской триады «Православие. Самодержавие. Народность» изменялось назначение больничного храма. В концентрированном виде эти трансформации подчинялись логике движения от часовни-«скудельницы» при лечебнице к домовый больничной церкви. *«Изначально скудельницы, как и предполагал Р. Г. Скрынников, действительно представляли собой временные морги (мертвецкие, покойницкие)»*⁴. Иными словами, больничный храм при детской больнице эволюционировал от хранилища тел умерших детей, ожидавших погребения, до места духовного окормления юных пациентов, очага поддержки их близких и дома молитвы медицинского персонала.

В неразрывной связи с биографическим (идиоматическим) и временным (хронологическим) континуумами существования детской больницы находится семантическая проблема

³ «Звенящее золото Демидовых... послесловие к выставке» // http://xn--gtbnihjce2j.xn-p1ai/stat_i/zvenyawee_zoloto_demidovyh_posleslovie_k_vystavke/.

⁴ Сорокин А. Н. Скудельницы древнего Новгорода (к вопросу об особенностях древнерусского погребально-обрядов в чрезвычайных ситуациях) // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2015. № 3. С. 236–262.

тика выбора городского квартала для благотворительного заведения. Речь идёт не столько о выявлении почтового адреса или GPS-координат медицинского учреждения, сколько об осознании больницы как элемента формирования культурного ландшафта столицы Российской Империи. Обоснование выбора Коломны для месторасположения педиатрического стационара закономерно укладывается в рамки краеведческой проблематики, и этот выбор, сам по себе, является доказательством важности вопроса локации детской больницы.

«Коломенский» период деятельности больницы связан с первоначальным устройством частно-благотворительной лечебницы на 60 койко-мест в съёмном здании: «у Аларчина моста, в доме полковника Оливио»⁵. Не сохранившийся двухэтажный доходный дом на пересечении Английского и Екатерингофского проспектов (современный адрес: угол Английского проспекта, 40 и проспекта Римского-Корсакова, 71)⁶ принадлежал полковнику лейб-гвардии Павловского полка А. К. Оливио (Оливье). Имя домовладельца отложилось в отечественной истории, главным образом, благодаря тому, что в одном из его доходных домов на Пантелеймоновской улице (ныне улица Пестеля) с 1 ноября 1833 г. до середины августа 1834 г. жил А. С. Пушкин⁷.

План 2-го квартала IV Адмиралтейской части. 1831-1836

Участок дома полковника А. К. Оливио «у Аларчина моста». 1836

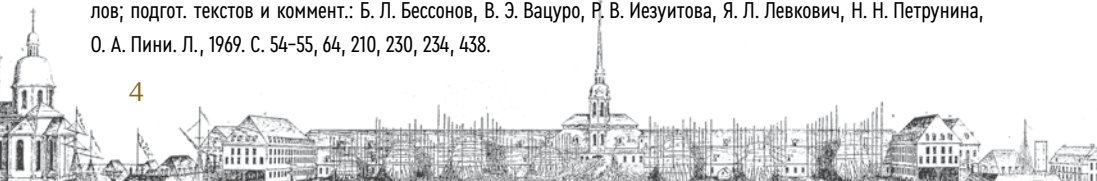
Доходный дом нач. XX в. на перекрёстке Английского пр., 40 и пр. Римского-Корсакова, 71. Фото 1989 г.

Екатерининский канал (ныне канал Грибоедова) делил Коломну на две части: северную — с будущей Воскресенской церковью на так называемом Козьем болоте (позже Воскресенская площадь, ныне площадь Кулибина), и южную — с храмом Покрова Пресвятой Богородицы (обе церкви не сохранились). Возведённая и «*благоукрашенная на средства доброхотных пожертвований местных прихожан*», эта церковь дала название Покровской

⁵ Иванов Н. Петербургские записки: Детская больница // Северная пчела. 1835. 25 февр. С. 175.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 169. Д. 187. Л. 13-20. План IV Адмиралтейской части. Графический материал по вопросам межевания и строительства в отдельных частях города. 1831-1836 гг.

⁷ Пушкин: Письма последних лет, 1834—1837 / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); отв. ред. Н. В. Измайлов; подгот. текстов и коммент.: Б. Л. Бессонов, В. Э. Вацуро, Р. В. Иезуитова, Я. Л. Левкович, Н. Н. Петрунина, О. А. Пини. Л., 1969. С. 54-55, 64, 210, 230, 234, 438.

площади и Покровскому острову⁸. Она возводилась в 1798–1812 гг. по проекту архитектора И. Е. Старова архитектором В. П. Петровым. Правый придел был освящён во имя собора Св. Иоанна Крестителя, левый — во имя равноапостольной Марии Магdalины.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы на Покровской пл. (ныне пл. Тургенева). Архитектор И. Е. Старов. 1803. Фотоателье Буллы. 1910-е гг.

Костёл Св. Станислава на перекрёстке Мастерской и Торговой (ныне Союза Печатников) улиц. Архитектор Д. И. Висконти. 1825. Фото нач. XX в.

Выбор 2-го участка IV Адмиралтейской части для местоустройства больницы определялся как прагматическими обстоятельствами — расположением в густонаселённой, но отдалённой части города и выгодной угловой локацией участка, так и скрытой смысловой нагрузкой детской лечебницы. Городской квартал, в котором обосновалась больница, представлял собой чёткий квадрат со сторонами на Английский проспект, набережную Екатерининского канала, Мастерскую и Торговую улицы. Фасады основного здания, развёрнутые на южную и западную стороны — Екатерингофскую дорогу и Английский проспект, — давали пациентам, размещённым в палатах бельэтажа, максимальное круглогодичное освещение и свежий воздух, которых больные дети были лишены в бедных родительских жилищах, зачастую трущобах. Скрытой составляющей устройства заведения на пересечении крупных городских магистралей на берегу водной артерии являлся выход на эспланаду, создаваемую Аларчиным мостом через Екатерининский канал, и вид из окон больничных палат на торжественную доминанту топонима-индикатора IV Адмиралтейской части — Покровский собор в створе Английского проспекта.

К началу 1830-х гг. в Большой и Малой Коломнах концентрировалась «критическая масса» адмиралтейского населения — служителей и работников верфей, разорившихся провинциальных дворян и мелких чиновников, заводских рабочих и ремесленников. Устройство детской лечебницы в «сердце» Коломны, в «шаговой доступности» от ближайшего значительно православного храма, являлось частью культурно-исторического ландшафта столицы. Оно удовлетворяло религиозные потребности родителей и опекунов *«болящих, страждущих, увечных, немущих, сиротствующих малолетних детей»*, которые *«в первое ещё время*

⁸ Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы в Большой Коломне // Святыни Петербургской епархии. [Вып. 4. Приходские церкви]. СПб., 1915. С. 93.

младенческой жизни своей похищаются преждевременно у отечества»⁹. Отпевание усопших детей могло проводиться в больничной часовне или в церкви, прихожанами которой являлись родственники ребёнка. Факт устройства при Санкт-Петербургской детской больнице православной часовни отложился в архивных документах¹⁰. К сожалению, пока не удалось установить, к какой из городских церквей была приписана больничная часовня и какое посвящение она имела. В энциклопедическом справочнике упоминается, без точной ссылки на архивный источник, что в часовне совершались панихиды по усопшим детям¹¹.

На обустройство деревянной часовни во дворе детской больницы член Комитета — петербургский купец 1-й гильдии Л. П. Зимин — пожертвовал в 1834 г. «образов и посуды на 5000 руб<лей> асс<игнациями>». Кроме того, «один из членов принял на себя издержки по погребению бедных, умирающих в больнице»¹². «Намоленное место» православной часовни на протяжении XIX в. «обрастало» христианскими местами молитвы и богоугодными заведениями. К 1917 г. в Коломне действовало около 20 храмов (включая домовые)¹³. Только в описываемом нами квартале городской застройки прихожан окормляли две православных церкви и две часовни, а также католический костёл¹⁴.

«Спасский» период Николаевской детской больницы (1842–1912)

«Acta non Verba» [«Не словом, а делом»]

(девиз династии Демидовых)

За первые восемь лет деятельности больницы на Коломенском острове все социальные слои населения столицы вполне осознали пользу педиатрического заведения и достоинства её изначальной многопрофильности. Приток пациентов непрерывно увеличивался,

⁹ Томашевский Л. И. Исторический очерк пятидесятилетнего существования С.-Петербургской Николаевской детской больницы (1834–1884). СПб., 1884. С. 5.

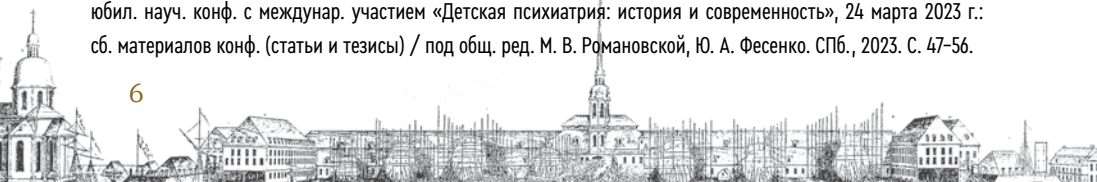
¹⁰ Шмелёва О. А. Николаевская детская больница // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: исследования и материалы. Вып. 4 / сост. А.В. Корнилова; науч. ред. Б. М. Кириков. СПб., 1997. С. 282.

¹¹ Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга: христианская ист.-церк. энциклопедия. СПб., 2003. С. 236.

¹² Томашевский Л. И. Указ. соч. С. 11 (5000 руб. асс. 1834 г. составляют 2 856 349 руб. по курсу на 30.01.2023; см.: Конвертер (преобразователь) денежных единиц из древних единиц измерения в современные // https://drevlit.ru/converter_money.html).

¹³ Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. С. 84, 236.

¹⁴ Колесин А. Н. Храмостроительство Санкт-Петербургской детской больницы // XX Мнухинские чтения: юбил. науч. конф. с междунар. участием «Детская психиатрия: история и современность», 24 марта 2023 г.: сб. материалов конф. (статьи и тезисы) / под общ. ред. М. В. Романовской, Ю. А. Фесенко. СПб., 2023. С. 47–56.

порядок оказания помощи не давал сбоев, лечебница требовала расширения. Хронологические рамки второй и третьей локаций детской больницы очерчены датами освящения нового стационара на Большой Подъяческой улице Спасского острова в июне 1842 г. и освящения собственного медицинского комплекса на Вологодской улице (ныне улица Чапыгина) Аптекарского острова в октябре 1916 г.

Временной интервал в 75 лет представлен документами Фонда Петроградской Николаевской детской больницы за 1834–1918 гг. в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), содержащего 743 дела в двух описях. Медикотопологическое описание хронотопа детской больницы «Спасского» периода предполагает осмысление системообразующей роли первого русского педиатрического учреждения в жизни III Адмиралтейской части Петербурга и всего столичного мегаполиса в целом.

Решение о дислокации больницы было естественным следствием развития лечебницы в Коломне и результатом высокопрофессиональной деятельности врачебного персонала во главе с доктором Ф. И. Вейссе, который приобрёл репутацию превосходного педиатра. За годы работы в Коломне усилиями директора и главного врача стремительно вырос авторитет больницы. Количество койко-мест увеличилось до 100, появилась возможность раздельного содержания детей с различными заболеваниями, была открыта собственная аптека, расширилась амбулатория для приёма проходящих больных, увеличился врачебный штат. Большую помощь в подготовке помогающих специалистов — нянь и сестёр милосердия — оказывал главный врач Санкт-Петербургского Воспитательного дома и Гатчинского городского госпиталя, отец 11-ти детей доктор медицины Ф. Ф. фон Депп¹⁵. Выпускницы Воспитательного дома, при котором существовал Институт повивального искусства, чаще всего становились сёстрами милосердия и повивальными бабками, проходя педиатрическую практику в благотворительной детской больнице.

В 1839 г. детская больница, распоряжением императора Николая I, поступила под высочайшее покровительство Александры Феодоровны и находилась в ведении её Канцелярии по управлению учебными и благотворительными делами. В преддверие 15-летнего прав-

¹⁵ Филипп Филиппович фон Депп (Philipp Heinrich von Doerr, 1793–1855) — выходец из прибалтийских немцев, лютеранин. Воспитанник Санкт-Петербургского Воспитательного дома под личным патронатом вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны. Выпускник Медико-хирургической академии, один из первых в России детских врачей, доктор медицины и хирургии (1835), лейб-педиатр, действительный статский советник, потомственный дворянин с занесением в IV часть Дворянской родословной книги Российской империи (1841). Член Императорского Вольного экономического общества (ВЭО), по инициативе которого оно организовало первую компанию по установлению причин высокой детской смертности в России (1833). Соучредитель и президент фонда «Мариинский капитал для врачей, их вдов и сирот»; член Медико-филантропического комитета, Общества немецких врачей Санкт-Петербурга; иностранный член Медицинского общества в Гамбурге (см.: *Колытов Г. А.* Российские немцы у истоков столичной педиатрии в современной России // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 11 / Отв. ред. Т. А. Шрадер. СПб., 2018. С. 228–244).

ления и пятилетнего существования детской больницы самодержец подписал необычное распоряжение, которое невозможно расценивать иначе, как его личное желание преподнести супруге — патронессе Санкт-Петербургской детской больницы — значимый подарок: «1839, октября 30. Императора Николая I Именной указ, объявленный попечителем детской больницы тайным советником графом Апраксиным. — Об учреждении Комиссии для построения здания С.-Петербургской детской больницы. Государь император, по всеподданнейшему докладу генерал-адъютанта графа Бенкендорфа, высочайше повелеть соизволил: для построения здания С.-Петербургской детской больницы учредить Строительную комиссию, под председательством его, графа Апраксина, из членов: свиты Его Величества генерал-майора Дубельта, коммерции советника Пономарёва, архитектора Штакеншнейдера и делопроизводителя титулярного советника Пушкарёва»¹⁶.

Утверждённый в 1834 г. самим царём, Устав больницы не предусматривал создания подобного исполнительного или совещательного органа при Комитете больницы. Тем не менее, это высочайшее распоряжение по частному вопросу строительства собственного здания детской больницы с последующей её дислокацией закрепляло персональную ответственность каждого из пяти членов Строительной комиссии. Вновь созданная «малая коллегия» состояла из двух уже знакомых нам членов Попечительского комитета больницы — действующего попечителя графа А. Н. Апраксина и купца 1-й гильдии П. И. Пономарёва. Три новые персоны — 47-летний свитский генерал Л. В. Дубельт, 37-летний архитектор А. И. Штакеншнейдер и 36-летний письмоводитель И. И. Пушкарёв, объединённые императорским указом в «рабочую группу», — определили новую концепцию развития детской больницы в представлениях Николая I.

Анализируя персональный состав Комиссии, мы в полной мере наблюдаем проявление таланта государя находить и объединять людей для достижения поставленной цели. В дополнение к активной деятельности графа А. Н. Апраксина на посту председателя Санкт-Петербургского Опекунского совета и действительного попечителя детской больницы, при неременной поддержке старейшего благотворителя больницы и всех благотворительных заведений столицы, потомственного почётного гражданина П. И. Пономарёва, в «малую коллегия» вводился протееже всесильного А. Х. Бенкендорфа генерал-майор Л. В. Дубельт — выдающийся государственный деятель трёх царствований.

Генерал от кавалерии, член Главного управления Цензурного комитета, Секретного комитета о раскольниках, многочисленных комиссий по расследованию дел о тайных политических обществах, он «с 1839 г. состоял помощником попечителя, с 1846 г. — почётным членом и попечителем Демидовского дома призрения трудящихся. В 1855 г. он удостоился получить живейшую признательность государыни за управление этим домом, от должности попечителя которого был отчислен в 1861 г., с оставлением почётным

¹⁶ Полное собрание законов Российской Империи. Ст. 12820.

членом его. В 1843 г. он был высочайше утверждён в звании члена С.-Петербургского комитета попечительного общества о тюрьмах, а с 1843 по 1861 г. состоял попечителем С.-Петербургской детской больницы»¹⁷.

Архитектор А. И. Штакеншнейдер¹⁸, ученик и сотрудник Огюста (Августа Августовича) Монферрана, прошёл путь от чертёжника Комитета строений и гидравлических работ до императорского архитектора. В 1833 г., после частной постройки замка Фалль в окрестностях Ревеля для графа А. Х. Бенкендорфа, был представлен последним Николаю I и приобрёл его благоволение. Первым крупным заказом молодого архитектора в Петербурге стала постройка дворца для дочери Николая I Марии Николаевны (1839–1844).

Выбору второй локации детской больницы Северная столица обязана, прежде всего, пятому члену Строительной комиссии — чиновнику и «благоговейному» историографу детской больницы И. И. Пушкарёву¹⁹. Его судьба и участие в поиске места и приобретении зданий Контрольного департамента для ревизии счетов Военного ведомства на Большой

¹⁷ Леонтий Васильевич Дубельт (1792–1862) — выпускник элитного Горного кадетского корпуса, участник русско-французской войны (сражения под Гутштадтом, Вольфсдорфом, Деппеном) и Отечественной войны 1812 г. (сражения под Смоленском, Бородиным, где он был ранен, Тарутиным, Малоярославцем и др.). Участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Награждён медалью «За взятие Парижа». Всего на военной и гражданской службе прослужил 55 лет. Похоронен на петербургском Смоленском православном кладбище вместе с женой Анной Николаевной (см.: Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Импер. ист. о-ва А. А. Половцова (далее: РБС). Т. 15. СПб., 1910[2]).

¹⁸ Андрей Иванович Штакеншнейдер (1802–1865) — архитектор, представитель первого поколения архитекторов-эклектиков в России. Выпускник Петербургской Академии художеств (1821), член Комиссии о построении Исаакиевского собора (1825), пансионер Академии художеств в Италии и Франции (1830–1832), академик (1834), почётный вольный общник, профессор 2-й степени Академии художеств (1844), действительный статский советник (1858). В должности архитектора при дворе великого князя Михаила Павловича строил резиденции для членов императорской семьи в Петербурге и пригородах. Главный архитектор Департамента уделов, заведующий постройками по загородным дворцам государыни императрицы (1848), архитектор высочайшего двора (1856). Похоронен в петербургской Троице-Сергиевой пустыни близ церкви Св. Григория Богослова, построенной им самим (могила утрачена).

¹⁹ Иван Ильич Пушкарёв (1803, по др. данным 1808–1848) — дворянин, писатель-историк, краевед и статистик, коллежский ассессор. Чиновник Совестного суда (1823) и канцелярии гражданского губернатора Симбирской губернии, столоначальник Симбирской казённой палаты (1831–1834). В Петербурге служил письмоводителем Главного Инженерного училища (1834) и Государственного контроля (1836), делопроизводителем Статистического отделения МВД (1843), чиновником МВД (1845). Общественная деятельность: почётный попечитель Царскосельского уездного училища, член-благотворитель Императорского Человеколюбивого общества (1843); член-корреспондент Статистического отделения МВД; член Попечительского, Хозяйственного и Строительного комитетов Санкт-Петербургской детской больницы (1838–1848) (см.: Большая русская биографическая энциклопедия. М., 2008).

Подъяческой улице под обустройство детской больницы достойны отдельного исследования. Поступив, по приезде из Симбирска в Петербург, письмоводителем в Главное инженерное училище, находившееся в ведении великого князя Михаила Павловича, И. И. Пушкарёв в 1836 г. перешёл на службу в Государственный контроль²⁰.

Ему принадлежат литературные и историко-статистические труды, изданные за 12 лет петербургской жизни²¹. Также он издал портреты всех членов императорской фамилии и вырученные от их продажи деньги (до 5000 рублей серебром) пожертвовал детской больнице. За свои труды И. И. Пушкарёв неоднократно получал высочайшие награды от императора Николая I, наследника Александра Николаевича и других членов императорского дома²².

Перипетии поиска нового месторасположения детской больницы проявили внутренние и внешние проблемы её существования. *«Слишком тесное и неудобное помещение заставило попечителя и директора изыскивать способы для перемещения больницы в другой, целесообразнее устроенный дом. <...> А. Н. Демидовым было сделано предложение занять под постройку новой больницы часть незастроенного места, принадлежащего „Демидовскому Дому призрения трудящихся“²³ и находящегося на Офицерской²⁴ улице (где ныне размещается „Русский семейный сад“²⁵). Прекрасная мысль А. Н. Демидова не была достаточно оценена ни тогдашним попечителем, ни директором, ни Комитетом больницы, которые предпочли приобрести по купюке два старые, жилые дома, выходящие своим фасадом на узкую, застроенную улицу, Большую Подъяческую²⁶, с прочих же трёх сторон окружённые задними дворами соседних строений. В этих домах, по приспособлении их к помещению в них больных детей, и была устроена больница»²⁷.*

²⁰ Государственный контроль Российской Империи — орган Кабинета министров, осуществлявший контрольно-счётные и наблюдательные функции в области прихода, расхода и хранения капиталов государственного бюджета, а также бюджетов всех министерств и ведомств по отдельности.

²¹ См.: Генеральный каталог Российской национальной библиотеки; также: Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. Симбирск, 1868. С. 248–250 (статья князя В. Баюшева); Московские ведомости». 1848. № 40; Ведомости С.-Петербургской городской полиции. 1848. № 69.

²² РБС. Т. 15. СПб., 1910[2].

²³ См.: Шевелев А. Н. Демидовские учебные заведения дореволюционного Петербурга: к 170-летию со дня основания // Историко-педагогический журнал. 2017. № 1.

²⁴ Ныне улица Декабристов.

²⁵ «Русский семейный сад» (в просторечии Демидов сад) — первый в Петербурге общественный увеселительный сад. Находился на Офицерской улице (ныне ул. Декабристов, 39). См.: Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград: энциклопед. справочник. М., 1992. С. 182–183.

²⁶ Здесь и далее в цитатах в адресах, относящихся к XIX в., сохраняется историческое написание названия улицы: «Подъяческая».

²⁷ Томашевский Л. И. Указ. соч. С. 14.

«Малая коллегия» получила информацию от делопроизводителя И. И. Пушкарёва о предполагаемых торгах по продаже домов недалеко от первой локации детской больницы, а император утвердил окончательное решение о приобретении в собственность выставленного на торги ведомственного имущества. *«От Временной Строительной комиссии Государственного контроля объявляется, что с высочайшего Его Императорского Величества соизволения назначены в продажу принадлежащие Государственному контролю два каменные дома: один о трёх, а другой о двух этажах, с надворными тоже каменными флигелями, состоящие 3-й Адм-иралтейской части в 4-м квартале по Большой Подъяческой улице, под №№ 317-318, земли под домами, надворными строениями и дворами состоит, как значится по купчей крепости, всего 689 квад-квадратных саженей, оценены же оные в 51 428 р-рублей 57 1/7 копеек серебром (180 000 р-рублей ассигнациями). Осматривать сии дома можно ежедневно от 9 до 2 часов, спрося живущего в них унтер-офицера Евдокимова. Желющие купить оные, благоволят являться во Временную Строительную комиссию, находящуюся в новом здании Государственного контроля, близ Синего моста, к торгам на сроки: первый Февраля 14 и окончательный Февраля 18 сего 1841 года»²⁸.*

Приобретение Комитетом попечителей собственной недвижимости и земельного участка для детской больницы на Спасском острове поблизости от «чрева Петербурга» означало активное включение благотворительной лечебницы в средоточие коммерческой жизни города и изменение её общественного статуса. Историки архитектуры подчеркивают, что Сенная площадь «занимает одно из ключевых мест в планировочной, функциональной, архитектурно-пространственной структуре центра Санкт-Петербурга», и на протяжении своего существования она, «вплоть до 1950-х гг., повышала свой общегородской статус и уровень градостроительно-архитектурной „центральности“»²⁹.

В отчётах главных докторов-директоров больницы зафиксированы сведения о том, что в 1839–1841 гг. на покупку собственного дома для Детской больницы поступили пожертвования от семи персон: *«От г.г. действ-ительного статского советника Павла Николаевича и камер-юнкера Анатолия Николаевича Демидовых — 200 000 руб-лей ассигнациями.*

От отставного гвардии корнета Алексея Ивановича Яковлева — 100 000.

От майора Владимира Андреевича Владиславлева — 20 000.

От отставного подполковника Фёдора Гавриловича Прожека — 20 000.

От генерала от инфантерии Ивана Николаевича Скобелева — 3500.

От коллежского ассесора³⁰ Ивана Ильича Пушкарёва — 2500.

²⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1841. 15 янв. № 11. Прибавление. С. 87.

²⁹ Семенцов С. В. Этапы формирования пространственной среды Санкт-Петербурга. Ч. 2. Историческое развитие участков (системы разбивки и застройки участков) и их регламентация // Вестник гражданских инженеров. 2006. 3 (8). С. 21–26.

³⁰ Ассесор — опечатка; правильно — Ассessor.

*Итого: 346 000 руб<лей> асс<игнациями>*³¹.

Изучение архивных документов и малодоступных ведомственных публикаций с параллельным сравнением с законодательным актом о создании Строительной комиссии и бухгалтерской ведомости из «Отчёта» Детской больницы дают ответы на ряд вопросов историко-биографического плана. Прежде всего, в исследовательском поле проявились причины включения рядового чиновника И. И. Пушкарёва, перемещённого в течение 1839 г. с IX-й на VIII-ю ступень Табели о рангах, в «малую коллегию». К сожалению, ранняя скоропостижная кончина И. И. Пушкарёва в 1848 г. лишила больницу профессионального и благожелательного бытописателя. В последние земные дни он составил завещание в пользу Санкт-Петербургской детской больницы³².

Сложнее выявить причины того факта, что три равных базовых вклада по 100 тысяч рублей ассигнациями на покупку и устройство детской больницы, поступившие от П. Н. Демидова, А. Н. Демидова и А. И. Яковлева, вызвали разные последствия для дарителей и в дальнейшем не замечались (кроме И. И. Пушкарёва) исследователями и биографами. Ответы на поставленные вопросы открывают отдельные «ветки» исследования и прояснить их невозможно, не обратившись к историографическому анализу расстановки общественно-политических сил Николаевской эпохи.

На первый взгляд, имеется простое объяснение: Демидовы платили из своего «общего кошелька», поэтому их вклад в больничный бюджет и оказался больше. По мнению большинства исследователей, не вызывает сомнения истинность утверждения доктора Томашевского: *«Члены Комитета больницы Анатолий и Павел Николаевичи Демидовы, следуя благородному внушению их добрых, человеколюбивых сердец, пожертвовали на постройку нового здания для больницы 200 000 руб<лей> ассиг<нациями>. <...> По вниманию к столь значительному денежному пожертвованию А. Н. и П. Н. Демидовых, которое, по справедливости, дало им право считаться действительными учредителями больницы, государь император, высочайшим повелением 19 мая 1843 года, всемилостивейше изволил назначить А. Н. Демидова потомственным почётным попечителем больницы, с тем, чтобы это звание переходило в потомстве Демидовых по праву первородства, по мужской линии»*³³. Повсеместно подчёркивается роль демидовских капиталов в создании знаменитой лечебницы, тогда как равный личный вклад гвардии отставного корнета

³¹ *Вяжлинский Н. К.* Краткий очерк семидесяти пяти лет жизни С.-Петербургской Николаевской детской больницы Ведомства учреждений Императрицы Марии: Докл. ... 5 дек 1909 г. СПб., 1909. С. 29 (346 000 руб. асс. составляет 197 659 365,08 руб. по курсу на 20.08.2022; см.: Конвертер (преобразователь) денежных единиц из древних единиц измерения в современные // https://drevlit.ru/converter_money.html).

³² ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 33. Переписка Комитета больницы <...> о наследстве члена Комитета Пушкарёва с приложением описи имущества. Л. 1-126.

³³ *Томашевский Л. И.* Указ. соч. С. 14.

А. И. Яковлева в приобретение участка и зданий, а также его регулярные пожертвования на содержание больницы практически не упоминаются в литературе.

Трудно переоценить вклад пяти поколений Демидовых, в родовом гербе которых записано «*Acta non Verba — не словом, а делом*», в благоденствие Отечества, и одной из жемчужин их духовной сокровищницы явилось создание детской больницы на Большой Подъяческой улице. С фамилией и средствами крупнейшей промышленной династии Российской Империи больница будет прочно связана вплоть до 1917 г. Вместе с тем русско-немецкое противостояние в «коридорах власти»³⁴, диаметрально противоположные воззрения попечителей А. Н. Демидова и Л. В. Дубельта на будущность больницы³⁵, непреодолимая личная неприязнь императора к представителям клана Демидовых³⁶ будут определять существование больницы до кончины Николая I в 1855 г. Что, впрочем, не помешает младшей дочери Бенкендорфа графине Софье Александровне (1825–1875) выйти замуж за П. Н. Демидова в 1844 г.

На примере создания детской больницы властные элиты увидели столкновение системообразующего фактора «медико-полицейской» концепции организации здравоохранения с патерналистской политикой владельцев крупного бизнеса в отношении подданных монарха. Демидовы (Лопухины–Демидовы и Демидовы–Сан-Донато), выдвинувшиеся ещё при Петре I благодаря созданию оружейных и горнодобывающих предприятий в Туле и на Урале, к царствованию Николая I превратились не только в род богатейших русских предпринимателей (заводчиков и землевладельцев), но и трансформировались в новый слой просвещённой «элиты». В 1831 г. камергер двора Его Императорского Величества П. Н. Демидов учредил премию, «*желая содействовать преуспеянию наук, словесности и промышленности в своём отечестве*». Премия поощряла развитие именно отечественной науки; иностранные сочинения рассматривались лишь тогда, когда «*рассуждали о предмете, имеющем прямое отношение к России*». 19 марта 1831 г. его младший брат, камер-юнкер А. Н. Демидов во время холерной эпидемии, послужившей причиной беспорядков в беднейших районах Петербурга, основал первый городской Дом трудолюбия, ставший примером для многих заведений подобного рода. Демидовский Дом призрения трудящихся (после расширения функций Дома трудолюбия) открылся весной 1833 г. в Коломне (набережная реки Мойки, 108). На обустройство заведения А. Н. Демидов пожертвовал 500 тысяч рублей, из которых 200 тысяч пошло на приобретение земли и постройку дома, 50 тысяч — на строительство часовни, 28 тысяч — «*на различные устройства и сооружения*». Заведение находилось под покровительством супруги Николая I императри-

³⁴ Сергеев С. М. «Хозяева» против «наёмников»: русско-немецкое противостояние в императорской России // Вопросы национализма. 2010. № 3 (3). С. 38–78.

³⁵ См.: Томашевский Л. И. Указ. соч. С. 15.

³⁶ Чернышёва М. Картина в подарок императору: символический аспект отношений Анатолия Демидова с Николаем I // Новое литературное обозрение. 2018. № 6 (154). С. 118–130.

цы Александры Феодоровны, почётным попечителем состоял граф А. Х. Бенкендорф, его помощником — генерал Л. В. Дубельт. Управление заведением вместе со званием потомственного попечителя принадлежало членам семейства Демидовых³⁷.

На приобретение зданий для Санкт-Петербургской детской больницы Демидовы пожертвовали большую часть из собранной Комитетом больницы суммы. В итоге имущество было куплено за 184 999,50 рублей ассигнациями³⁸. *«Санктпетербургской палаты гражданского суда во 2-м департаменте: 16 111. 1841 г. Мая 7. Совершена купчая, на проданные Государственным контролем Детской больнице 2 каменные дома, состоящие в Санктпетербурге 3-й Адмиралтейской части» 4-го квартала по Большой Подъяческой улице под №№ 31-м и 33-м, за 52 857 р.<ублей> серебр<ом>»³⁹.*

Краткая историческая справка по этому месту была опубликована в периодическом издании КГИОП Санкт-Петербурга в 1997 г.: *«Два смежных лицевых дома на Большой Подъяческой улице вблизи реки Фонтанки были возведены в конце XVIII века. До приобретения их в 1827 году Контрольным департаментом и его архивом здания принадлежали княгине Анне Сергеевне Голицыной. Место это относилось к четвёртому кварталу Третьей Адмиралтейской части. Выходили дома на красную линию застройки улицы, имели два двора, флигели и небольшой сад. Гранчили они с домом обер-священника по одну сторону и с домом коллежского советника Крылова по другую. Главные фасады были различны по архитектуре и этажности. Один имел три этажа, другой — два»⁴⁰.*

Архитектор Строительной комиссии А. И. Штакеншнейдер в 1841 г. разработал проект перестройки и приспособления зданий Контрольного департамента военных отчётов на Большой Подъяческой улице Спасского острова к нуждам больницы. Основные перестройки были осуществлены в 1842 г. А. И. Штакеншнейдер осуществлял архитектурный надзор за исполнением работ, устройством помещений для размещения шести стационарных отделений, амбулаторных кабинетов и вспомогательных служб. В северной части внутреннего сада была возведена деревянная часовня, которая одновременно предназначалась для прозекторской. Больничная часовня для отпевания усопших детей во имя Св. Николая была приписана к памятнику русской воинской славы — Казанскому собору⁴¹. *«В подобном статусном определении соединились воля императора, взявшего на себя по-*

³⁷ См.: Екатеринбургское научное и культурно-просветительское объединение «Демидовский институт» // <http://www.dem-inst.ru/>.

³⁸ 184 999,50 рублей ассигнациями (52 857 рублей серебром) составляет 38 046 468,60 рублей по курсу на 20.08.2022; см.: Конвертер (преобразователь) денежных единиц из древних единиц измерения в современные // https://drevlit.ru/converter_money.html.

³⁹ С.-Петербургские сенатские объявления. 1841. 8 июля. № 54. С. 36.

⁴⁰ Шмелёва О. А. Указ. соч. С. 282–291.

⁴¹ Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. С. 236.

Клиническая ревматологическая больница № 25. Большая Подъяческая улица, 30. Фото 2009 г.

Гох И. А. Портрет архитектора А. И. Штакеншнейдера. 1860

кровительство над лечебницей, и готовность клира главного храма Санкт-Петербурга во главе с настоятелем — протоиереем П. Н. Мысловским — взять больничную часовню под духовное попечение»⁴².

Через год после покупки зданий на Спасском острове, весной 1842 г., Детская больница праздновала переезд. *«Собственный дом Детской больницы, состоящий в Большой Подъяческой улице, близ Фонтанки, освящён 30-го апреля, и больница в нём открыта 4-го числа сего мая»⁴³.* Во всех справочниках дом Николаевской детской больницы входит в перечень работ архитектора А. И. Штакеншнейдера, хотя в открытом доступе на сегодняшний день не обнаружено ни его подробного внешнего описания в первой половине XIX в., ни строительных чертежей или архитектурно-строительных обмеров. Нынешние фасады, надстроенные этажи и внутреннее устройство здания на Большой Подъяческой улице, получившего единый № 30 по современной нумерации, представляют собой результаты позднейших многочисленных перестроек. У специалистов — историков и архитекторов — нет единого мнения по поводу того, кем из петербургских архитекторов *«дома́ были подведены под один карниз с фасадом на 20 осей в формах утилитарной классицистической безордерной архитектуры, стены были обработаны рустом, окна оформлены замковыми камнями»⁴⁴.* По мнению О. И. Шмелёвой, *«имя автора этой перестройки осталось*

⁴² Баннова Н. В., Колесин А. Н. Истоки духовного окормления Санкт-Петербургской детской больницы // XX Мнухинские чтения: науч. конф. с междунар. участием «Организация детской психиатрической помощи: история и современные тенденции развития». Сборник материалов конференции (статьи и тезисы) / под общ. ред. М. В. Романовской, Ю. А. Фесенко. СПб., 2023. С. 56–65.

⁴³ Северная Пчела. 1842. 5 мая. № 98. С. 1 (389).

⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

неизвестным»⁴⁵. Современные справочники указывают автором последней капитальной перестройки в 1863 г. архитектора Е. П. Дмитриевского.⁴⁶

С описанием внутреннего устройства лечебницы и жизни её обитателей мы можем познакомиться благодаря «благоговейному историографу» И. И. Пушкарёву, создавшему своё восторженное эссе к 10-летию основания больницы. Вместе с тем опубликованный в «Журнале МВД» текст является своеобразным отчётом «малой коллегии» о проделанной за пять лет работе и рачительном распоряжении деньгами жертвователей, а также литературным очерком о состоянии больницы через два года после приобретения в собственность недвижимости и земельного участка поблизости от «чрева Петербурга». Перепечатаваем его целиком.

«Описание Детской больницы в С.-Петербурге. Составлено г. Пушкарёвым из сведений, заимствованных из дел Детской больницы, с разрешения главного начальника оной, генерал-адъютанта графа А. Х. Бенкендорфа.

До 1834 года в С.-Петербурге не было отдельной больницы для врачевания малолетних детей, подвергающихся разным прилипчивым и другим болезням, их возрасту свойственным. Этот недостаток в особенности был тягостен для низшаго класса жителей столицы, часто не имеющих способов наблюдать в своих жилищах необходимую чистоту и содержать в них свежий и чистый воздух, не говоря уже о врачебном и диетическом вспомоществовании занемогаящим. Оттого бедные малютки, в совершенной беспомощности, делались жертвами тяжких недугов, оставлявших в них следы на всю жизнь, или оканчивавшихся безвременной смертью.

Мысль основать в Петербурге отдельную Детскую больницу, по примеру существующих за границею подобных учреждений, принадлежит первоначально лейб-медику Н. Ф. Арендту. Она нашла себе ревностного покровителя и ходатая в лице графа А. Х. Бенкендорфа, голос которого возбудил во всех классах общества пламенное соревнование к осуществлению столь полезного дела.

В 1834 году, 8 февраля, составлен был проект об учреждении в С.-Петербурге Детской больницы для приёма детей обоего пола, на счёт добровольных пожертвований. Государь император, по всеподданнейшему докладу графа Бенкендорфа, соизволил принять предполагаемое заведение под высочайшее своё покровительство, и в том же году благоволил утвердить 1 мая Положение, а 3 августа — Устав больницы. Через пять лет, то есть в 1839 году, больница удостоилась поступить под всемилостивейшее управление государыни императрицы, коим до сего времени имеет счастье пользоваться.

Торжественное открытие больницы совершилось в день тезоименитства государя императора, 6 декабря 1834 года. Она открыта была тогда в доме полковника Оливье

⁴⁵ Шмелёва О. А. Указ. соч. С. 284.

⁴⁶ См.: Паспорт здания: ул. Большая Подьяческая, 30 // https://prawdom.ru/dom.php?hm=bolshaya-podyacheskaya-60026777_30.

(4 Адмиралтейской части), где и находилась по 1 мая 1842 года, с которого переведена в собственное здание.

Первоначальное устройство больницы ограничивалось 60 кроватями. Но впоследствии, когда соучастие благотворителей умножило средства, число кроватей увеличилось до 100. В том числе 25 кроватей исключительно назначены для прилипчивых болезней и совершенно отделены от прочих.

Спустя пять лет после основания больницы, когда успешное пользование постепенно возраставшего числа больных детей начало оправдывать на деле благотворную цель её учреждения, граф А. Х. Бенкендорф вознамерился приобрести для неё собственное здание. Едва намерение это стало известным, как многие из благотворительных особ изъявили желание принять в нём участие. Скоро пожертвовано было на приобретение нового здания разными лицами до 351 326 р<ублей> асс<игнациями>, в числе которых доставлено было от г.г. Демидовых 200 000 р<ублей> и от корнета Яковлева 100 000 р<ублей>. Из этого капитала употреблено было 285 145 р<ублей> 58 к<опеек> на покупку и на устройство здания соответственно его назначению.

Детская больница помещается ныне в превосходном собственном здании, в Большой Подъяческой улице. Это большой каменный дом, в три этажа, с четырьмя каменными же на двор флигелями. В двух этажах устроены больничные палаты, зала для Комитета, помещение конторы, дежурная комната для врачей и отличная аптека; а в нижнем этаже — лаборатория с кладовой, ванна, цейхгауз, зала для приходящих с больными детьми и служительские квартиры. В надворных флигелях помещаются квартиры директора, медиков и других чиновников больницы.

Внутреннее устройство больницы доведено до наилучшего совершенства. С истинным удовольствием посетитель проходит ряды чистых, светлых комнат, расположенных в обоих этажах по одинаковому плану. Всюду господствует превосходная опрятность и порядок, несравненно привлекательнейшие самой пышности. На постелях матрасы волосяные, подушки полупуховые; одеяла зимние белые байковые пушистые, летние — из лучшего белого пике; простыни, пододеяльники и наволочки из фламского полотна; халаты зимние из хорошей зелёной фланели, а летние — из жёлтой нанки; на девочках кофты канифасные, юбки бумазейные и канифасные, чепчики тифтиковые; на мальчиках колпаки зелёные бумажные.

Мебель ясеневое дерева. В особой комнате огромная медная умывальница. На столиках у трудно больных находятся бронзовые колокольчики.

Щедротами государя императора и августейшей фамилии, также значительными пожертвованиями членов Комитета больницы и других благотворительных лиц, заведение сие снабжено всеми пособиями к успешному врачеванию, как-то паровую, ванную, водопроводами, медными подвижными ваннами, машинами электрической и для выправления переломов, всеми хирургическими инструментами, лучшим бельём, серебряными столовыми приборами и несколькими в серебряных окладах образами.

На дворе больницы устроена часовня, в которую выносятся умершие дети. Отсюда родителям и родственникам позволяется совершать обряд погребения церемониально, с священством и факелами.

В середине двора разведён маленький садик с парусинными палатками в летнее время. Выздоровливающим детям позволяется прогуливаться в этом садике в ясную весеннюю и летнюю погоду.

Больные дети от трёх до четырнадцатилетнего возраста принимаются в больницу без различия званий, во всякое время, днём и ночью, когда только есть незанятое место. Бедные, без всякой платы, поступают преимущественно перед платящими. Плата взимается с детей господских людей, по 15 р<ублей> асс<игнациями> ежемесячно.

В больнице находятся три отделения: мужское, женское и сыпное или прилипчивое. При каждом из них положены особые врачи, подчинённые главному доктору, который вместе с тем именуется и директором больницы. Кроме того, как уже сказано, в больнице устроена зала для приходящих, где доставляются безденежно все врачебные пособия приносимым детям. С этою целью ежедневно присутствует здесь один из служащих при больнице врачей: в летнее время от 7 до 10, а в зимнее от 8 до 11 часов утра. Два раза в неделю зубной врач подаёт помощь детям, страдающим зубными болезнями. По два раза еженедельно в самом заведении прививается желающим предохранительная оспа. Родителям и родственникам больных детей, в заведении находящимся, дозволяется посещать их дважды в неделю: в среду и субботу, от 2 до 5 часов пополудни. Им предоставляется также право брать из больницы, по желанию своему, и не совершенно вылечившихся детей. Но надобно посетить хотя однажды больницу в который либо из дней, назначенных для свидания родных с больными детьми, чтобы удостовериться вполне, какая искренняя радость и, можно сказать, восторг овладевают родителями при взгляде на своих малюток, о которых заботятся здесь с отеческим радушием, доходящим до того, что дети меньшего возраста всегда окружены игрушками. В 12 часов дети обедают, в 7 часов вечера ужинают, а в 7 часов утра завтракают чай с хлебом.

Под председательством почётнаго попечителя графа А. Х. Бенкендорфа учреждён, с высочайшего соизволения, Комитет из членов, избранных из известных лиц дворянства, духовенства, врачей и купечества, пекущийся о благосостоянии и приобретении способов к поддержанию заведения. Ежегодное пожертвование сумм от высочайшей фамилии, членов Комитета и частных лиц простирается не постоянно до 13 000 р<ублей> асс<игнациями>. С учреждения же Детской больницы по 15 ноября 1843 года поступило в приходе сумм ассигнациями:

ежегодного приношения до 129 731 р<ублей> — к<опеек>.

единовременного 166 904 р. 92 к.

за концерты 124 999 р. 82 к.

за лечение детей 20 056 р. 70 к.

из церковных кружек 5805 р. 14 к.

Всего 447 498 р. 58 к.

Примерный расход на содержание больницы может простираться до 50 000 руб<лей> ас<сигнациями> и более в год. До сих пор, с учреждения больницы, израсходовано до 425 977 р<рублей> ас<сигнациями>. Со времени открытия больницы, то есть с декабря 1834 по 15 ноября 1843 года, было пользовано как в самой больнице, так и приносимых детей: мужского пола 17 007, женского 16 258, всех 33 265. Из них умерло: мужского пола 598, женского 344, всех 942. Самая большая часть детей, пользовавшихся пособием больницы, была из сословий бедных разночинцев, мещан, посадских и цеховых ремесленников. Почему, принимая в соображение общее число людей, принадлежащих к этим сословиям, которое простирается до 59 537 мужского и 49 298 женского пола, можно сказать, что Детская больница служит истинно благотворительным пособием для семейств, часто с трудом скидывающих себе пропитание.

Существование Детской больницы приносит ещё не менее важную пользу и в учёном отношении, доставляя врачам случай постоянно наблюдать на опыте за болезнями детей и совершенствовать способы их лечения. В продолжение девятилетнего существования больницы произведено в ней весьма счастливо много важных операций, в особенности благотелем заведения Н. Ф. Арендтом и профессором С.-Петербургской Медико-хирургической академии Саломоном. О каждом больном ведётся в Детской больнице журналы, которые доказывают, что детские болезни имеют здесь отличный характер, развивающийся от местных и климатических свойств, образа жизни, качества пищи и т. п.

Собранные по сему предмету разные замечания больница помещала, для всеобщего сведения, в иностранных и отечественных медицинских журналах⁴⁷.

Воспроизведение описания Санкт-Петербургской детской больницы, составленное И. И. Пушкарёвым, в соединении с предпринятыми биографическими реконструкциями, позволило изменить взгляд на природу исторического источника. «„Локальный метод“ изучения истории, как Анциферов назвал применявшийся в семинариях Гревса научный подход к историческому материалу, был одним из инструментов социальной истории и разновидностью исторической идиографии»⁴⁸. Обращаясь к «локальному методу» изучения истории, современные последователи Н. П. Анциферова вводят в исследовательский тезаурус культурологическую терминологию, равно применимую к рассматриваемому нами историко-медицинскому феномену благотворительного педиатрического заведения.

При сравнении официальных документов и публицистических очерков обращает на себя внимание стилистическое единство канцелярских и авторских текстов. Читая об-

⁴⁷ Пушкарёв И. И. Указ. соч. С. 156–162.

⁴⁸ Московская Д. С. Локально-исторический метод в литературоведении Николая Анциферова: генезис и контексты // Филологическая регионалистика. 2009. № 1–2. С. 6–20.

зоры историков и путеводители краеведов, отчёты главных докторов Детской больницы и служебную переписку её попечителей, мы погружаемся в атмосферу романтической одухотворённости общественного служения наших предков.

Среди базовых основ благотворительности⁴⁹, независимо от её сословного происхождения, самым ресурсным является принцип массовости, а самым мотивирующим — принцип добровольности. Первое десятилетие существования больницы, включая приобретение нового адреса и собственной недвижимости, отличалось общим духовным подъёмом и общественной эйфорией. В этом нетрудно убедиться, читая репортажи И. И. Пушкарёва. Юбилейные отчёты главных докторов «Спасского» периода деятельности детской больницы также предоставляют богатый материал о размахе благотворительности и именах выдающихся представителей всех сословий русского общества.

В архивных делах отложились уникальные свидетельства о горизонтальных связях персонала медицинской институции и Комитета её попечителей с именами представителей царствующей династии, деятелей Александринского, Мариинского и Михайловского театров, вольных художников и академиков Петербургской Академии художеств, знаменитостями из литературных кругов и издательств и т. д., и т. п.

27 декабря 1853 г. Николай I повелел передать дела больницы из IV отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии в Ведомство учреждений Императрицы Марии (ВУИМ), с назначением ежегодного расхода в 10 000 рублей на нужды Санкт-Петербургской детской больницы.

26 августа 1856 г. — в день коронации императора Александра II — генерал-лейтенант Л. В. Дубельт был произведён в чин генерала от кавалерии и назначен действующим попечителем Демидовского дома призрения трудящихся и Санкт-Петербургской детской больницы.

31 октября 1859 г., к 25-летию юбилею больницы, по докладу-ходатайству её попечителя Л. В. Дубельта император Александр II *«повелел именовать заведение „Санкт-Петербургскую Николаевскую детскую больницу“ в память незабвенного августейшего её покровителя императора Николая I»*⁵⁰.

Благодаря реформам царя-освободителя, прежде всего отмене крепостного права и земской реформе, в России начался расцвет общественной благотворительности. Без обращения к инструментарию локально-исторического метода невозможно понять тот факт, что Санкт-Петербургская Николаевская детская больница, имея славу *«благоустроенного и весьма полезного детского лечебного заведения»*, до последнего дня существования Империи не была

⁴⁹ Колесин А. Н. Сословная благотворительность Дома Романовых и становление детско-подростковой психиатрии в России // XVII Мнухинские чтения: науч. конф. с междунар. участием «Организация детской психиатрической помощи: история и современные тенденции развития», 7 нояб. 2019 г.: сб. ст. / под общ. ред. Ю. А. Фесенко, Д. Ю. Шигапова. СПб., 2019. С. 84–90.

⁵⁰ Томашевский Л. И. Указ. соч. С. 18.

Николаевская детская больница на карте-плане Санкт-Петербурга. 1913

Съезжий дом III Адмиралтейской части на перекрёстке Садовой и Большой Подьяческой улиц. Построен в 1844–1849 гг.

ни государственным, ни ведомственным учреждением в буквальном смысле этих понятий. Её частно-благотворительное устройство под патронатом царствующей династии понимали все современники. Например, подробный исторический обзор учреждений ВУИМ за полвека его существования, изданный в 1878 г., ни единым словом не упоминает о Николаевской детской больнице. Видимое противоречие снимается, если бесстрастно отнестись к духу взаимоотношений в среде учреждений общественного призрения. Для чиновников ВУИМ «своими» были только заведения, изначально созданные под патронатом и при финансировании Ведомства — Елизаветинская клиническая больница на набережной реки Фонтанки, 152 (1844) и больница принца П. Г. Ольденбургского на Лиговском проспекте, 8 (1864). По «букве закона», то есть согласно юридическому оформлению подчинённости Николаевской детской больницы, она была обязана ежегодно представлять отчётность Медицинскому совету ВУИМ, хотя получала большую часть своего финансирования по-прежнему «на счёт добровольных приношений» сограждан. Во взаимоотношениях аппарата Ведомства и директората больницы отмечались периоды трений и даже открытого противостояния. Наконец, на врачей и служащих Детской больницы не распространялись права Пенсионного устава ВУИМ, в частности, они не имели права на получение государственной пенсии. Используя юридическую грамотность членов Комитета и частных жертвователей, руководство Детской больницы организовало собственную эмеритальную кассу⁵¹, средства которой составлялись из добровольных пожертвований и отчислений от жалований служащих и врачей. Из этих средств выплачивались пенсии отставным сотрудникам больницы и их вдовам.

⁵¹ Эмеритура (от *лат.* *emeritus* — заслуженный) — в дореволюционной России название специальной государственной пенсии, выплачиваемой уволенным в отставку государственным служащим, а также пособия вдовам и сиротам, из сумм эмеритальной кассы, средства которой составлялись из обязательных отчислений от жалования государственных служащих.

В судьбе и профессиональной карьере доктора В. Е. Гейдеке отразился почти 40-летний отрезок жизни Детской больницы. Родившийся в семье московских немцев, он получил образование на философском и медицинском факультетах Императорского Юрьевского университета и шесть лет практиковался в педиатрии. Он был приглашён на должность ассистента врача Детской больницы 4 февраля 1838 г. в 30-летнем возрасте. Владимир Егорович служил юным пациентам 38 лет, пройдя путь от ассистента до директора и главного доктора Николаевской детской больницы (по 1 мая 1871 г.). Как преемник и любимый ученик доктора Ф. И. Вейссе, В. Е. Гейдеке «многое изменил к лучшему. Постройка отдельного здания для заразных больных; расширение отделения для приходящих; новая часовня и секционная камера; снабжение больницы неводною водою; освещение дворов, кухни и лестниц газом; изменение к лучшему штата больницы; наконец утончённая вежливость его, в обращении с большими и подчинёнными, оставили хорошее воспоминание о времени управления им больницею»⁵².

Первоначально больничная часовня во имя Свт. Николая Чудотворца была оборудована в деревянной одноэтажной постройке в северной части внутреннего двора. Через 25 лет часовня окончательно обветшала и грозила обрушением. Доктор В. Е. Гейдеке в течение 1866–1867 гг. согласовал с IV Отделением Собственной Е. И. В. канцелярии, Духовной консисторией и Комитетом попечителей план переноса часовни в каменное строение. Согласно документам, архитектором Ф. Ф. Рудольфом были запланированы работы, связанные с «показанием предполагаемых, перестройки каменных существующих сараев для часовни, и постройки вновь каменного сарая»⁵³. Архитектурно-планировочное описание церковного сооружения подтверждает, что секционная камера и морт были изолированы от богослужебного помещения отдельными входами⁵⁴. Переустройство существовавших каменных сараев в часовню, прозекторскую и покойницкую было произведено в течение 1867 г.⁵⁵ В 1868 г. церковная утварь и иконы были перенесены во вновь устроенную часовню.

20 марта 1886 г. душеприказчик подполковника Никиты Никитича Демидова, согласно духовному завещанию одного из представителей династии русских сталеваров, передал в Никольскую больничную часовню фамильную реликвию — икону Спасителя в серебряном окладе и киоте⁵⁶. Исполнение воли Н. Н. Демидова о пожертвовании в больницу древ-

⁵² Томашевский Л. И. Указ. соч. С. 24–25.

⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 134. Л. 45, 54. Документы о постройке каменной часовни с помещением для усопших <...>.

⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 134. Л. 13, 14.

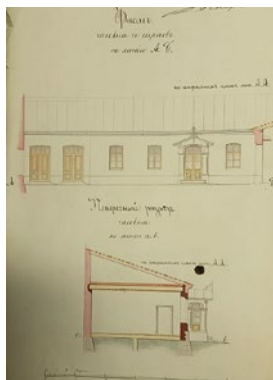
⁵⁵ Шмельёва О. А. Указ. соч. С. 284.

⁵⁶ ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 372. Л. 1–2. Отношение прокурора С.-Петербургского суда и выписка из духовного завещания отставного подполковника Демидова Н. Н. о пожертвовании иконы Спасителя в серебряном окладе для церкви больницы.

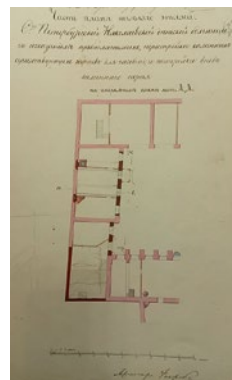

Рудольф Ф. Ф. План двора с сараями С.-Петербургской Николаевской детской больницы. 1867

Рудольф Ф. Ф. Фасад часовни и сараев. Поперечный разрез часовни. 1867

Рудольф Ф. Ф. Часть плана нижнего этажа. 1867

него образа подтверждало неизменную заботу рода Демидовых о духовном благополучии пациентов и врачей детского стационара.

Однако же, по словам доктора Томашевского, «несообразное с доходом расходование им сумм, коими располагала больница, неуменье его привлечь новых членов в Комитет больницы <...> привели мало по малу денежные средства больницы к совершенному расстройству. <...> низвело репутацию заведения на весьма низкую ступень»⁵⁷. В этом ракурсе взаимоотношений понятна болезненная отставка директора и главного доктора В. Е. Гейдеке. «Постоянная, систематическая его оппозиция предложениям и указаниям медицинских инспекторов Ведомства учреждений Императрицы Марии, упорное стремление к какому-то self-governement⁵⁸, и, наконец, неумелость его справиться со средствами больницы — окончательно пошатнули служебную почву д<окто>ра Гейдеке, вследствие чего он и должен был, в 1871 году, передать управление больницы врачу Морского ведомства П. А. Вульфису»⁵⁹. Сорок лет в службе, достижение классного чина действительного статского советника (IV класс Табели о рангах), дающего право на потомственное дворянство, звание доктора медицины не явились препятствием для чиновников от медицины для замены «прекословного» главного доктора. После вынужденного выхода в отставку доктор В. Е. Гейдеке служил шесть лет внештатным

⁵⁷ Томашевский Л. И. Указ. соч. С. 25.

⁵⁸ Опечатка в оригинале: self-gouvernement (фр.) — самоуправление.

⁵⁹ Томашевский Л. И. Указ. соч. С. 25.

консультантом Николаевской детской больницы как опытный и уважаемый детский врач⁶⁰.

Второй Устав Николаевской детской больницы удостоился утверждения Александра II 19 октября 1874 г. Звание почётного попечителя было подтверждено за племянником А. Н. Демидова — П. П. Демидовым, князем Сан-Дonato (1839–1885). Главным начальником заведения определялся один из почётных опекунов, назначаемый в это звание лично императором. Все должностные лица считались в действительной службе, им присваивался мундир ВУИМ, соответствующий классу чиновпроизводства. В 1876 г. доктор Вульфийус (1830–1896), как опытный врач и признанный администратор, был приглашён в Москву графом фон Дервизом для обустройства Детской больницы Св. Владимира, которой заведовал до конца жизни. Николаевскую детскую больницу возглавил старший ординатор Л. И. Томашевский. Доктор Л. И. Томашевский, после окончания Военно-медицинской академии и стажировки в клиниках России, поступил на службу в больницу 9 июня 1860 г. Он проработал здесь 40 лет — до дня своей смерти в 1900 г. При нём больничные ресурсы были использованы с наибольшей эффективностью. В больницу поступали заболевшие дети всех сословий из 12-ти частей и 4-х участков города, а также из селений Санкт-Петербургской губернии. В шести стационарах (терапевтическом, хирургическом, скарлатинном, коревом, оспенном, дифтеритном) размещалось до 140 коек для детей от 3-х до 14-ти лет. Приёмное отделение принимало детей всех возрастов ежедневно в назначенные часы. Статистические отчёты, аналитические записки и обращения главного доктора-директора Л. И. Томашевского постоянно «будировали» руководство ВУИМ и достигали высочайших покровителей Николаевской детской больницы — императоров Александра III и Николая II. Об этом свидетельствуют пометки на служебных документах, сохранившихся в петербургских архивах.

По смерти доктора Л. И. Томашевского директором и главным врачом больницы 26 октября 1900 г. был назначен Н. К. Вяжлинский. Выпускник Императорской Медико-хирургической академии (ИМХА), он был оставлен в академии для «совершенствования» и подготовки исследования на соискание учёной степени доктора медицины. Работал на кафедре детских болезней первого в России профессора-педиатра Н. И. Быстрова под руководством доктора медицины педиатра И. П. Коровина и на кафедре физиологии первого русского нобелевского лауреата профессора И. П. Павлова. После защиты диссертации доктор Н. К. Вяжлинский занялся частной практикой и общественным призрением, в числе известнейших российских врачей лечил царских детей.

В биографии доктора Н. К. Вяжлинского прослеживаются пересечения со знаковыми событиями отечественной истории. В год назначения главным врачом Николаевской детской больницы он уже 14 лет служил врачом ВУИМ, из них 10 лет — ординатором в этой лечебнице.

⁶⁰ ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 19. Л. 1-247.

В этот же год, 3 октября 1900 г., открылся женский терапевтический барак Елизаветинской общины⁶¹ с детским отделением на 18 кроватей, которое также предложили возглавить доктору Н. К. Вяжлинскому⁶². В период эпидемий холеры, брюшного тифа, дизентерии в 1902–1908 гг. он как эксперт привлекался к строительству новых помещений и барakov.

На протяжении всего XIX в. в отечественной медицине рос интерес к психическим заболеваниям детского возраста: эпилепсии, хорее, менингоэнцефалиту, гидроцефалии, кратковременным психозам при скарлатине и отравлении грибами. К концу века на терапевтическое отделение больницы ежегодно поступало до 50 пациентов с диагнозами «*болезней нервной системы: Meningitis, Encephalitis, Porencephalia, Tumor cerebri, Poliomyelitis anterior, Paralysis spastica, Paresis pedis, Paralysis palatimo, Polyneuritis, Myopatia, Commotio cerebri, Status nervosus, Histeria, Epilepsia, Chorea minor, Tetanus*»⁶³. Лечение осуществляли старшие врачи и ординаторы. Консультировали сложных пациентов доктора клиник детских нервно-психических заболеваний ИМХА и Женского медицинского института, в частности,

⁶¹ Санкт-Петербургская Елизаветинская община сестёр милосердия Российского Общества Красного Креста (РОКК) — благотворительная организация, основанная в 1896 г. по инициативе великой княгини Елизаветы Феодоровны, главы 1-го Санкт Петербургского дамского комитета РОКК. По распоряжению покровительницы РОКК, вдовствующей императрицы Марии Феодоровны, община получила название Елизаветинской. На средства императорской семьи для размещения общины были выкуплены заброшенные к концу XIX в. здания Безбородкинской усадьбы и часть парка площадью в 9 га на Полюстровской набережной. На приобретённых землях с 1899 по 1904 гг. по проектам архитекторов П. Ю. Сюзора и А. В. Кашенко возвели здания Мариинской барачной лечебницы (главный врач доктор С. С. Боткин), хирургического барака на 25–30 коек, мужского терапевтического, женского терапевтического с детским и гинекологическим отделениями (16 кроватей женских, 18 детских, 4 гинекологических), четырёхэтажного общежития сестёр милосердия и причта церкви, мужского платного барака «в память Г. А. Кушелёва-Безбородко» (на пожертвования графини Л. А. Мусиной-Пушкиной, уржд. графини Кушелёвой-Безбородко, сестры графа), двухэтажного дома для служащих общины. Фасады построек были украшены красными крестами, напоминавшими о принадлежности общины к РОКК. 12 марта 1908 г. небольшая улочка, проходившая рядом с владениями общины, была названа Елизаветинской (ныне не существует) (ЦГИА СПб. Ф. 2228. Елизаветинская община сестёр милосердия Российского Общества Красного Креста. Петроград. 1896–1918).

⁶² Волощун П. В. Гинекологическое отделение Елизаветинской общины сестёр милосердия Красного Креста // Лечебное дело. 2018. №1.

⁶³ Отчёт СПб. Николаевской детской больницы В. У. И. М. за 1912 год / сост. врачами больницы под общ. ред. директора и гл. врача Н. К. Вяжлинского. СПб., 1913. С. 41–46 (русские названия болезней — менингит, энцефалит, порэнцефалия — порок развития головного мозга, характеризующийся присутствием на его поверхности воронкообразных углублений, отёк мозга, полиомиелит, спастический паралич, парезы стопы, радиальная нейропатия, полиневриты, миопатия, сотрясение мозга, нервные расстройства, истерия, эпилепсия, детская хорея, столбняк).

ученик В. М. Бехтерева Адриан Сергеевич Грибоедов (1875-1948) и ученик Н. И. Быстрова Дмитрий Александрович Соколов (1861-1915).

Двадцатый век больница встретила устройством восьми отделений; расширением штата и переподготовкой персонала; включением в пенсионную систему «*нянь и низших служащих*». Начальный капитал в 1992 рубля⁶⁴ для устройства пенсионного фонда передала больнице заслуженная артистка Императорской сцены М. Г. Савина (1903). Началось устройство Сестрорецкой «*санатории для выздоравливающих от незаразных болезней и болеющих хроническими недугами*» на участке в 1508 кв<адратных> саж<ен>, выделенном повелением Николая II (1904). На пожертвования российских подданных на Гагарской гривке Финского взморья был построен дачный комплекс, способный принимать за лето до 35 детей. Среди даров жертвователей были сборы от концертов и спектаклей, устроенных А. М. Маевской (1904), Л. Э. Драгишевич-Никшич и М. И. Копейщиковой (1908).

В дополнение к Никольской часовне, обустроенной во внутреннем дворе больницы, в 1902 г. на пожертвования почётных членов Хозяйственного комитета у входа в амбулаторию был установлен «*Образ Святителя Николая Чудотворца в мраморном киоте со стеклянным навесом*»⁶⁵ и ящиком для сбора анонимных пожертвований. На фотографии в журнале «Нива» за 1909 г. киот можно разглядеть справа от парадного входа в здание Николаевской детской больницы со стороны Большой Подъяческой улицы⁶⁶. В 1905 г. при амбулатории больницы врачом-экстерном О. А. Шестаковой обустроена служба «Капля молока», исполнявшая функции женской консультации и за минимальную плату снабжавшая кормилиц стерилизованным молоком с примесью различных отваров по назначению врача.

В докладе доктора Н. К. Вяжлинского на 75-летию больницы в 1909 г. приведены цифры отчётов, изумляющие даже современных специалистов организационно-методических отделов здравоохранительных учреждений: «*За 75 лет своего существования, за 27 375 дней своей жизни больница призрела до 75 000 больных детей и приняла более 1 570 000 амбулаторных. Из стационарных больных одни только 35 787 бывшие в больнице за последние 25 лет провели в ней 982 482 больничных дней. Итак, запомните, господа, эти цифры: 75 000 стационарных и 1 570 000 амбулаторных больных, около 1 000 000 больничных дней только за последние 25-летие! Эти цифры сами собой говорят за полезную, благотворную деятельность больницы*»⁶⁷.

⁶⁴ 2 777 525,28 руб. по курсу на 28.05.2022; см.: Конвертер (преобразователь) денежных единиц из древних единиц измерения в современные // https://drevlit.ru/converter_money.html.

⁶⁵ Отчёт СПб. Николаевской Детской Больницы В. У. И. М. за 1902 г. / сост. под ред. директора и гл. врача Н. К. Вяжлинского. СПб., 1903. С. 3-4.

⁶⁶ К 75-летию СПб. Николаевской детской больницы // Нива. 1909. № 48. С. 845.

⁶⁷ Вяжлинский Н. К. Указ. соч. С. 21.

816 1909 НИВА

Здание больницы.

«Капля молока».

Здание больницы. «Нива». 1909

Амбулатория «Капля молока». «Нива». 1909

«Спасский» период деятельности больницы на Большой Подъяческой улице отмечен периодами подъёма и упадка, кризисов и праздников, оставив в исторической ткани города память о милосердном служении детских врачей и медицинского персонала, о научных открытиях и примерах человеколюбия. Именно этот пласт исторической памяти составлял, по словам Н. П. Анциферова, *«душу Петербурга»*.

К 75-летию юбилею Николаевской детской больницы был опубликован репортаж с шестью фотографиями, соответствующими информационному поводу⁶⁸. На сегодняшний день фотографии начала XX в. являются единственными визуальными свидетельствами бытования больницы в конце её «Спасского» периода. Парадные фотографии, иллюстрирующие репортаж, ждут своей атрибуции, установления авторства и дат съёмки. На первой фотографии («Группа врачебного персонала и администрации больницы») перед нами предстанут 33 сотрудника во главе с главным врачом-директором Н. К. Вяжлинским. На второй фотографии («Здание больницы») запечатлён классицистический фасад трёхэтажного дома по Большой Подъяческой улице с выложенной на карнизе надписью: «Николаевская детская больница». На остальных снимках представлены: «Обход больницы главным врачом»; «Операционная»; «Бактериологическая лаборатория»; амбулатория «Капля молока».

Текст репортажа диссонирует с постановочностью изображений, так как в большей части описывает тернистый путь благотворительного заведения со всеми тяготами и лишениями педиатрической лечебницы, зависимой от частных и корпоративных пожертвований. Тем не менее, очерк завершается на оптимистической ноте: *«От прежней поры в ней почти ничего не осталось, но ни йоту не изменились цель и назначение больницы — оказывать по возможности бесплатную помощь больным детям беднейшей части населе-*

⁶⁸ К 75-летию СПб. Николаевской детской больницы // Нива. 1909. № 48. С. 845–847.

ния г. Петербурга. Это назначение Николаевская больница выполняет свято и нерушимо и поныне. В настоящее время Николаевская детская больница представляет собою благоустроенное, вполне отвечающее всем современным научным запросам учреждение. Главное здание больницы — трёхэтажное, занимает около 200 кв<ад> квадратных сажень и вмещает в себе: два приёмных покоя для заразных и незаразных больных, амбулаторию и некоторые жилые помещения. В надворных флигелях при больнице помещаются больные коклюшем, дифтеритом, скарлатиною и корью. Больница обладает прекрасными дезинфекционными камерами, лабораторией для бактериологических исследований и некоторыми иными вспомогательными учреждениями. В местном населении Николаевская больница пользуется заслуженной любовью и доверием, и много детских жизней было вырвано ею из неумолимых когтей смерти, которая собирает обильную жатву в нашем гнилом и болотистом климате...»⁶⁹.

Отложившиеся в архивах и сохранившиеся в дореволюционных публикациях данные о пожертвованиях в кассу больницы, в эмеритальный капитал, на внутреннее обзаведение, на содержание часовен, на погребение умерших детей из бедных семейств, являются свидетельствами неустанной борьбы медицинского сообщества и населения города за выживание благотворительного заведения. Больница с разной степенью успешности пожинала плоды «деяний милосердия»⁷⁰ и проявления христианской благотворительности всех слоёв русского общества с первых дней своего существования. Бережно сохранённое петербургскими архивистами документальное наследие будет ещё не одно десятилетие тревожить умы исследователей.

В следующем номере мы закончим публикацию исследования об Императорской Николаевской детской больнице.

⁶⁹ К 75-летию СПб. Николаевской детской больницы // Нива. 1909. № 48. С. 847.

⁷⁰ См.: Фёдоров А. В., Колесин А. Н. Хронотоп больничной часовни Императорской Николаевской детской больницы // XX Мнухинские чтения: науч. конф. с междунар. участием «Организация детской психиатрической помощи: история и современные тенденции развития»: сб. материалов конф. (статьи и тезисы): под общ. ред. М.В. Романовской, Ю.А. Фесенко. СПб., 2023. С. 78–87.

Г. Г. Мартынов, А. Г. Тимофеев

ОТ ВАММЕЛЬСУУ ДО «ЛИТЕРАТОРСКИХ МОСТКОВ»

Леонид Андреев. Посмертное

*Памяти Людмилы Александровны Иезуитовой (1931–2008),
замечательного исследователя жизни и творчества Леонида Андреева*

В Санкт-Петербурге нет улицы Леонида Андреева, хотя он такого увековечения, несомненно, заслуживает. Уроженец Орла, с мая 1908 г. писатель почти постоянно жил в Ваммельсуу¹ (ныне Серово Курортного района Санкт-Петербурга) на собственной даче «Белая ночь», иронично прозванной им «Виллой Аванс», в итоге волей Истории оказавшись в эмиграции. Последние два года его жизни (1918–1919) достаточно хорошо изучены, но почти не принимается во внимание, что окончательного посмертного покоя ему пришлось ожидать роковые для русской культуры 37 лет.

Л. Андреев. 1919.

Последняя фотография

Леонид Николаевич Андреев скоропостижно скончался спустя три недели после своего 48-летия в 18 км к северо-востоку от Ваммельсуу, в Нейвола или, более правильно, Неувола (ныне Горьковское), в независимой Финляндии, совсем недавно ещё именовавшейся Великим княжеством Финляндским в составе Российской империи. На дачу своего близкого знакомого Ф. Н. Фальковского²

¹ Русская фонетическая транслитерация финских топонимов весьма затруднительна. Зачастую она имеет несколько равноправных форм (например, Viipurī — Виипури, Вийпури, Випури — Выборг), ни одна из которых особенностям финского произношения в точности не соответствует. Такие топонимы, как Vammelsuu, правильнее передавать — Ваммелсуу, поскольку в финском произношении согласные после гласных не смягчаются. В данном случае мы придерживаемся исторически сложившегося русского написания. В цитатах, приведённых в настоящей статье, формы топонимов сохранены без унификации.

² Фальковский Фёдор Николаевич (1874–1942) — ветеринарный врач; литератор, театральный деятель. Один из создателей и директор петербургского «Нового драматического театра», где были поставлены пьесы Л. Андреева

он с семьёй приехал в начале сентября 1919 г., собираясь подготовиться к предстоявшей ему вскоре поездке в Америку, но прожил здесь всего пять дней.

Время, обозначенное в сохранившемся «Свидетельстве о смерти» Л. Андреева: «...в 6 часов вечера в Неволя дача Фальковского близ станции Мустамяки»³, — указано только со слов очевидцев. С тех пор оно регулярно повторяется в посвящённых писателю публикациях, но всё же настораживает «ровностью» часа. В самом деле, в небольших по объёму воспоминаниях Валентина Андреева⁴, которому «было 6 лет и 9 месяцев», когда умер отец, оно указано с большей точностью: «...раз, когда мы беспечно возились в пустом сарае, что стоял неподалёку от дома, прибежал кто-то, запыхавшись, и сказал:

— Скорее домой, дети, папе плохо.

Тогда была половина седьмого, а в 6 часов 20 минут папа умер»⁵.

Косвенное подтверждение находим в дневниковой записи его брата Саввы⁶ (12 сентября 1933): «Сегодня хороший день, осень, но солнце ещё пригревает. Значит, ровно 14 лет тому назад и как раз в этот час (половина седьмого вечера) папа умер»⁷.

Предположение о том, что Л. Андреев, не случись иначе, мог быть похоронен на кладбище при русской Николаевской церкви в Райвола (ныне Рошино)⁸, не лишено основания, — но более вероятно, что на кладбище при Преображенской церкви в Уусикиркко (ныне Поляны) — так как Ваммельсуу принадлежала к Новокирскому православному приходу.

Однако вследствие того, что вдова Анна Ильинична, убеждённая в скорой победе белых, стремилась исполнить желание мужа быть похороненным рядом с первой женой⁹ на московском Новодевичьем кладбище, где он купил место для семейного захоронения, проводы оказались необычными. При прощании 14 сентября 1919 г. гроб с телом писателя временно

«Дни нашей жизни» (1908) и «Анатэма» (1909). Оставаясь после 1917 г. в независимой Финляндии, редактировал просоветскую газету «Путь» (Хельсинки, 1921–1922); был выслан финскими властями в советскую Россию.

³ Цит. по: Андреев Л. С. О. С.: дневник (1914–1919); письма (1917–1919); ст. и интервью (1919); воспоминания современников (1918–1919) / ред., вступит. ст., сост., примеч. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М.; СПб., 1994. С. 522.

⁴ Андреев Валентин Леонидович (1912/13–1988) — младший из сыновей Л. Андреева от второго брака (с 1908) с Анной Ильиничной, урожд. Матильдой Денисевич, в первом браке Карницкой (1885–1948).

⁵ Андреев В. Что помню об отце // Андреевский сборник: исслед. и материалы / науч. ред. Л. Н. Афонин. Курск, 1975. С. 233, 242.

⁶ Андреев Савва Леонидович (1909–1970) — старший сын Л. Андреева от второго брака.

⁷ Леонид Андреев. Далёкие. Близкие: сб. / вступ. ст., подгот. текста, сост. и коммент. И. Г. Андреевой. М., 2011. С. 393.

⁸ См.: Боев А. Прогулки по Мустамякам (Горьковское): повествование в свобод. форме. СПб., 2015. С. 39.

⁹ Андреева Александра Михайловна, урожд. Велигорская (1881–1906) — внучатая племянница Т. Г. Шевченко. Скончалась от осложнений после родов Даниила (1906–1959), впоследствии автора известного мистического сочинения «Роза мира».

поставили в мемориальной семейной часовне-усыпальнице А. П. Горбик¹⁰ — бывшем гранитном леднике её пансиона, относившегося не к деревне Неувола, которая занимала вершину возвышенности Неуволанмяки, а к смежной деревне Кирьявала, располагавшейся на её южном склоне.

Подобный способ упокоения, стоивший больших средств, представлял чрезвычайно редкое исключение для Финляндии. Для того чтобы иметь частное захоронение — одно или несколько — на собственной земле, то есть вне общественного кладбища, требовалось специальное разрешение финляндского правительства, выдававшееся в исключительных случаях. В частности, в Выборге мемориальная часовня-усыпальница находилась в имении «Монрепо», принадлежавшем баронам Николаи, а в 1930 г. в парке собственной усадьбы «Пенаты» в Куоккала (ныне Репино Курортного района Санкт-Петербурга) был похоронен И. Е. Репин.

В отделе «Новости дня» выборгской шведскоязычной газеты нашлось объявление «Частное захоронение»: *«Адвокат Михаил Александрович Горбик и его жена Александра Горбик запросили у Императорского сената разрешение похоронить членов и родственников своей семьи на принадлежащей им земле в деревне Неувола № 1 прихода Нюкирка»*¹¹.

Номер, очевидно, означает конкретный участок — у А. Горбик в Неувола — Кирьявала их было несколько; самый большой, площадью 25 га, который она приобрела в 1905 г., назывался Таммела, на нём, вероятно, и находился её пансион. Нюкирка по-шведски то же самое, что Уусикиррко по-фински, то есть всё та же Новая кирка.

Публикации о выдаче разрешения не найдено. К сентябрю 1919 г. в склепе часовни-усыпальницы покоились забальзамированные тела первого мужа Александры Горбик — Роберта, её сестры и кого-то из родственников — возможно, сына от первого брака Леонида¹².

Хозяйка пансиона хорошо знала, по меньшей мере, одного всемирно знаменитого русского писателя — М. Горького, жившего у неё в 1914–1917 гг. (с перерывами). Да и кого только она не видела — на встречи с ним приезжали Ф. Шаляпин, М. Пришвин, Д. Бурлюк, В. Маяковский...

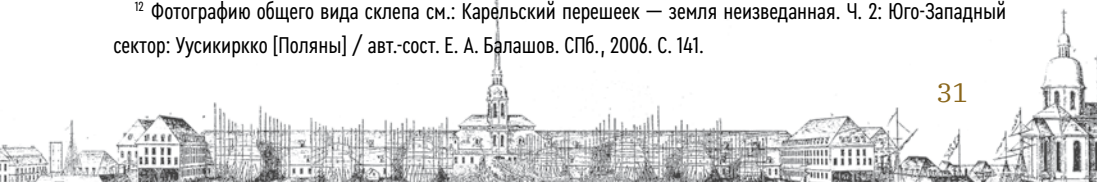

Дача Л. Андреева в Ваммельсуу. Архитектор А. А. Оль. 1908. Разобрана в 1924 г. Источник: terijoki.spb.ru

¹⁰ Горбик Александра Павловна, по первому мужу Ланг (1861–1949). Зачастую её фамилию передают на русский манер: Горбовская-Ланге, а порой называют и Александрой Карловной Горбик-Ланге.

¹¹ De enskilda begravningsplatserna // Östra Finland (Viborg). 1908. Dec. 17. No. 292. S. 2.

¹² Фотографию общего вида склепа см.: Карельский перешеек — земля неизведанная. Ч. 2: Юго-Западный сектор: Уусикиррко [Поляны] / авт.-сост. Е. А. Балашов. СПб., 2006. С. 141.

Очевидно, А. Горбик «импонировало», если допустимо так выразиться, что рядом с её близкими — конечно, не в самом склепе, а в часовне над ним — какое-то время будет стоять гроб с телом другого всемирно знаменитого русского писателя, которого она также принимала у себя...

Прощание с Л. Андреевым у часовни А. Горбик. 14 сентября 1919. Фото М. Г. Никитина (?). Справа от входа Вадим Андреев и Ф. Н. Фальковский. Источник: альбом «Леонид Андреев. Жизнь Человека». М., 2021

панихиде, проведённой 14 сентября: *«Стою среди освещённой церкви... Кругом кучка ещё оставшихся здесь русских людей. Между ними есть и видные деятели. <...> Пришли все, кому был дорог Леонид Николаевич.*

Молятся...

На лицах у всех грусть... В сердце одна печаль...

Кругом мерцают свечи... Тихо...

Сзади меня чей-то голос шёпотом прерывает тишину: „О Боже, что человеческая жизнь!.. Свечка, которая горит... начинает разгораться всё ярче и ярче... Вдруг — движение воздуха... начинает мигать — погасла...”

Другой голос отвечает: „Да, недавно был он ещё с нами, бодрый, полный надежд... Друг его не стало...” И голос — прерывается...

¹³ Андреев Вадим Леонидович (1902/03–1976) — старший сын Андреева от первого брака. В 1946 г. получил советский паспорт, но без права проживания в СССР, который он неоднократно посещал с 1957 г. Член Союза писателей СССР.

¹⁴ Фотографию провожающих у гроба Андреева перед склепом, сделанную 14 сентября 1919 г., см.: Андреев Л. S. O. S. Вкл. между с. 320 и 321; перепеч.: Леонид Андреев: Жизнь Человека: к 150-летию со дня рождения: альб. / сост. и авт. вступит. ст.: Д. А. Алексеев, А. С. Никулин. М., 2021. С. 135; Востров А. Неполнота времени: писатели Леонид Андреев и Борис Зайцев на Карельском перешейке. СПб., 2022. С. 73.

Меня как громом поразила весть о кончине Леонида Николаевича Андреева... Больно отзовется эта утрата в душах русских людей... и не только русские — весь культурный мир пожалеет о нём...

Кто не знает Л. Н. Андреева как писателя? У кого из нас не навёртывались слёзы на глазах, читая его произведения?..

Между строками светилась его чуткая к чужому горю, изболевшаяся душа...

Его душа постоянно что-то искала, о чём-то скорбела... В лице Леонида Николаевича Андреева мы потеряли не только писателя, но и великого патриота. Как страдала его душа, как ныло его больное сердце, когда он видел свою родину, свою горячо любимую Россию, на краю гибели... <...>

Ушёл от нас Леонид Николаевич. Его сердце не выдержало — перестало биться... Для нас он не умер... Память о нём будет вечно в душе каждого из нас... И не только русские люди, но весь культурный мир не забудет его...

*Мир его усталой душе!*¹⁵

Где именно это могло происходить: в Райвола, Терийоках, Выборге?.. Выскажем предположение, что, по принадлежности Ваммельсуу и Неувола, — в деревянной Преображенской церкви, главном храме Новокиркского прихода в Уусикиркко. В это время его настоятелем состоял о. Василий Скипетров¹⁶.

Последовавшее вскоре поражение белого движения сделало намерение Анны Ильиничны исполнить последнюю волю мужа невозможным. Гроб с телом писателя оставался в часовне-усыпальнице А. Горбик пять лет. Мог оставаться и дольше, но в 1923 г. она продала свои земельные владения в Неувола и Кирьявала. Изменившиеся обстоятельства потребовали захоронить прах. Об этом незамедлительно узнали в недавно созданном СССР, где при активном

Преображенская церковь в Уусикиркко. Архитектор А. С. Пронин. 1913. Сгорела во время Советско-финской войны 1939–1940 гг. Источник: pastvu.com/1124649

¹⁵ *Одна из читательниц.* Памяти Леонида Николаевича Андреева // Русская жизнь (Хельсинки). 1919. 18 сент. № 164. С. 3.

¹⁶ Скипетров Василий Иванович (1860 или 1861 — 1926) с 1887 г. служил в храмах Ямбургского, Новолодожского и Петербургского уездов Санкт-Петербургской губернии. В Уусикиркко постоянно жил с 1913 г.

участии Риммы Андреевой¹⁷ развернулась целая кампания: «*Всероссийский Союз писателей возбуждает ходатайство о перевезении тела Леонида Андреева из Финляндии в Москву и об открытии музея имени покойного писателя <в его петроградской квартире>*»¹⁸.

Возможно, определяющим мотивом поездки сестры Л. Андреева зимой 1923 г. в Финляндию и стало, прежде всего, выяснение возможности желаемого захоронения брата в Москве. При этом советская сторона не могла не знать о регулирующих данный случай финских законодательных положениях, но по большевистскому обыкновению и тут попыталась действовать напролом. Римма Николаевна писала И. Е. Репину весной 1924 г.: «*Недавно было постановление Всероссийского Союза писателей, не дожидаясь разрешения Анны Ильичны Ильяничны, прах брата перевезти в Москву, где им лично куплено место для себя в Новодевичьем монастыре. Вероятно, что до лета перевозка осуществится*»¹⁹. Этого не произошло.

В 1924 г. Анна Ильинична, после трёх лет жизни в Германии в поисках лучшей доли переселившаяся из Берлина в Рим, выехала в Финляндию для окончательного разрешения вопросов с оставшейся у неё чернореченской недвижимостью и захоронением гроба мужа. Скорее всего, она сама избрала место при церкви во имя иконы «Всех скорбящих Радость» в Метсякюля²⁰ (ныне Молодёжное Курортного района Санкт-Петербурга), примерно в двух километрах от Ваммельсуу. На сформировавшемся здесь к тому времени с внешней стороны ограды небольшом русском кладбище уже несколько лет покоилась мать Л. Андреева²¹.

Нельзя исключать, что в том числе к организации похорон относятся два письма А. Горбик к А. Андреевой от 1924 г.²² Их полное содержание нам пока неизвестно, но есть письмо Анны Ильиничны к И. Е. Репину от 9 сентября: «*Каждый день хотела ехать к Вам, пови-*

¹⁷ Андреева Римма Николаевна (1880/81–1941) — сестра Л. Андреева. В первом браке (гражданском) за журналистом Аркадием Павловичем Алексеевским (1871–1944). Во втором — за Андреем Андреевичем Олем (1883–1958), архитектором дачи Л. Андреева в Ваммельсуу. По третьему мужу — Верещагина. Сохраняла значительную часть семейного архива и многие личные вещи брата. Мечтала открыть его квартиру-музей в Ленинграде и Дом-музей Л. Андреева в Орле.

¹⁸ К перевезению тела Леонида Андреева // *Вечерняя Красная газета*. 1923. 31 окт. № 260. С. 3.

¹⁹ *Иванова Л. Н.* Илья Репин и Леонид Андреев // *Репинские чтения* / науч. ред. Е. В. Кириллиной. СПб., 2004. С. 46.

²⁰ Возведена в 1912–1916 гг. (архитектор И. А. Фомин) в имении Мариоки в память о похороненной здесь его владелице Марии Всеволодовне Картавецвой (1862–1910) — дочери поэта и писателя Всеволода Владимировича Крестовского (1840–1895), и тоже писательнице. Великолепный бронзовый памятник на её могиле был поставлен в 1911 г. (скульптор В. В. Лишев).

²¹ Андреева Анастасия Николаевна, урожд. Пацковская (1851–1920).

²² Хранятся в Русском архиве Лидсского университета (Великобритания). Упоминание см.: *Андреев Л. С. О. С.* С. 519.

Церковь во имя иконы «Всех скорбящих Радость» в Метсякюля. Архитектор И. А. Фомин. 1912–1916. Фото 1930-х гг. Разрушена во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. Источник: www.finna.fi

дать. На этой неделе не смогу. В воскресенье 14-го перевозим прах Леонида Николаевича сюда. Могила в церковной ограде нашей церкви, где и будет погребение. Часа в 4 дня»²³.

В анонимном сообщении «Захоронение праха Леонида Андреева» крупнейшей шведскоязычной финской газеты дата отличается, но это опечатка — указанный воскресный день в 1924 г. приходился именно на 14 сентября: «*Праха скончавшегося пять лет назад русского писателя Леонида Андреева, который хранился в часовне в Нейвола, в воскресенье, 15 сентября, будет торжественно перенесён к русской церкви в Ваммельсуу (так! — Г. М., А. Т.) и затем опущен в могилу»²⁴.*

Сообщение об этом событии дала и советская печать: «*Гроб с телом Леонида Андреева до сих пор находился в часовне в финляндской деревне Нейволла. В воскресенье, 14-го сентября, гроб был перенесён в Тюрсово (правильно Тюрисевя; ныне Ушково Курортного района Санкт-Петербурга. — Г. М., А. Т.), где и состоялись похороны. Могила находится на высоком берегу Финского залива»²⁵.*

Жившая с детьми в Европе А. И. Андреева не имела возможности посещать могилу. Лишь зимой 1936 г. сюда смог добраться Савва, ставший артистом балета и оказавшийся

²³ Иванова Л. Н. Илья Репин и Леонид Андреев. С. 45.

²⁴ Leonid Andrejevs stoft jordas // Hufvudstadsbladet (Helsingfors). 1924. Sept. 13. No. 251. S. 8.

²⁵ Похороны тела Леонида Андреева // Вечерняя Красная газета. 1924. 19 сент. № 213. С. 1 (также указано и в анонсе содержания номера!).

на гастролях в Хельсинки. Посещение родного пепелища (обветшавшая и разваливавшаяся дача Л. Андреева после продажи земельного участка в 1924 г. была полностью разобрана) и метякюльского кладбища он подробно описал в письме к матери²⁶.

Во второй половине 1920-х — 1930-е гг. Скорбященскую церковь с некрополем при ней поддерживали в порядке местные русские. Никогда не забывали о могиле Л. Андреева и в европейской эмигрантской среде, но по понятной причине — отсутствия у родственников средств — она долго оставалась без памятника. Об этом пишет, в частности, В. Л. Пастухов²⁷: «На могиле Леонида Андреева памятника нет. Маленький деревянный крест, на котором написано „Леонидъ Николаевичъ Андреевъ“ и дата смерти»²⁸. Здесь же воспроизведена и фотография захоронения, рядом с которым стоит сам Пастухов.

Вопрос о том, что место упокоения Л. Андреева необходимо почтить достойным его памяти образом, поднял литературно-общественный «Журнал Содружества»²⁹ в августовском номере за 1933 г.³⁰ Год спустя в связи с 15-й годовщиной со дня смерти писателя редакция попыталась организовать сбор средств на установку памятника. Услуги по его изготовлению предложил М. Н. Шилкин³¹.

Несмотря на регулярные объявления как в самом журнале, так и в эмигрантских изданиях за пределами Финляндии, желаемого результата сбор не дал. Посетив летом 1935 г. могилу Л. Андреева, Б. К. Зайцев³², оставивший об этом три мемуарных

²⁶ См.: Андреева В. Дом на Чёрной речке: повесть. М., 1974. С. 193–198; перепеч.: Она же. Эхо прошедшего: роман. М., 1986. С. 134–138; Леонид Андреев. Далёкие. Близкие... С. 376–377.

²⁷ Пастухов Всеволод Леонидович (1894–1967) — поэт, пианист, музыкальный и литературный критик. В 1921 г. эмигрировал в Латвию. В 1944 г. уехал в Германию. С 1949 г. жил в США, где был, в частности, соредактором журнала «Опыты» в 1953–1954 гг.

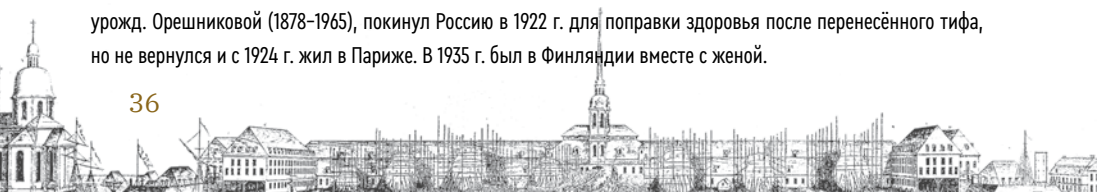
²⁸ Пастухов В. На могиле Леонида Андреева: дорогие могилы; Могила Андреева без памятника; <и др.> // Сегодня (Рига). 1931. 23 авг. № 232. С. 5.

²⁹ Издавался Содружеством бывших учащихся Выборгского Русского реального лицея и Выборгским культурно-просветительным обществом в 1933–1938 гг.

³⁰ См.: Линдеберг Л. Забытая могила // Журнал Содружества (Выборг). 1933. № 8. С. 28–29; частично перепеч.: Андреев Л. С. О. С. С. 411; Редакционная переписка «Журнала Содружества» за 1932–1936 годы: с прил. Полной росписи содерж. журн.: из истории рус. эмиграции в независимой Финляндии / изд. подгот. А. Г. Тимофеев. СПб., 2010. С. 678–679.

³¹ Шилкин Михаил Николаевич (1900–1962) — художник-керамист, скульптор. Один из членов-учредителей «Общества русских художников в Финляндии» (1933). В Советско-финскую войну 1939–1940 гг. находился в рядах финской армии.

³² Зайцев Борис Константинович (1881–1972) — писатель. Вместе с второй женой (с 1911) Верой Алексеевной, урожд. Орешниковой (1878–1965), покинул Россию в 1922 г. для поправки здоровья после перенесённого тифа, но не вернулся и с 1924 г. жил в Париже. В 1935 г. был в Финляндии вместе с женой.

текста³³, увидел тот же крест. Согласно сводному отчёту, помещённому в октябрьском и ноябрьском номерах «Журнала Содружества» за 1935 г., всего по 14 подписным листам удалось собрать 3348 финских марок, из которых за вычетом расходов «чистый остаток» составил лишь 2565 марок.

Из-за постигшей редакцию неудачи захоронение ещё несколько лет оставалось в прежнем состоянии. По имеющейся информации, только «в конце 1930-х <гг.> стараниями местных русских деревянный крест был заменён каменным памятником»³⁴ — массивным гранитным крестом на постаменте с надписью, вырубленной в старой орфографии: «*Леонидъ Андреевъ. 9.8.1871 — 31.8.1919*»³⁵. Даты жизни указаны по старому стилю, причём крайняя из них случайно сдвинута на один день (для XX в. разница между старым и новым стилем составляет 13 дней). Из этого как будто следует, что со временем недостающие средства нашлись, но памятник появился всё-таки без участия родственников, хотя, наверное, с их разрешения. Оформление надписи выполнено так, как это было принято в Финляндии: перед датой рождения вырезана звёздочка (символизирующая Вифлеемскую звезду), перед датой смерти — крест.

Предположительно, установка памятника Л. Андрееву состоялась в очередную годовщину его смерти в августе–сентябре 1939 г. Если исходить из знания происходивших на Карельском перешейке исторических событий, другого времени для этого попросту не находится, да и в «Журнале Содружества», последний номер которого вышел в декабре 1938 г., непременно появилось бы соответствующее сообщение.

В период Второй мировой войны, а именно в результате двух войн: Советско-финской 1939–1940 гг. и Великой Отечественной 1941–1945 гг., безжалостно прошедшим по Марьиной Горе³⁶, — церковь в Метсякюля оказалась сильно повреждена, а некрополь полностью забро-

³³ См.: *Унковский В.* У заветной родной черты: на заброшенной могиле Леонида Андреева; <и др.> // *Заря (Харбин).* 1935. 10 дек. № 335. С. 2 (перепеч.: *Зайцев Б. К.* Отблески вечногo: неизвест. рассказы, эссе, воспоминания, интервью / сост., вступит. ст., подгот. текста и коммент. А. М. Любомудрова. СПб., 2018. С. 215); *Зайцев Б.* Финский край: на Чёрной речке // *Иллюстрированная Россия (Париж).* 1936. № 22 (23 мая). С. 2, 4; (перепеч.: *Он же.* Отблески вечногo... С. 223–225; *Карельский перешеек: страницы истории.* Кн. 5 / [сост. Л. И. Амирханов]. СПб., 2021. С. 222–225; *Востров А.* Неполнота времени... С. 137–140); *Зайцев Б.* Леонид Андреев: (из воспоминаний) // *Русская мысль (Париж).* 1969. 23 окт. № 2761. С. 8 (перепеч.: *Андреевский сборник... С. 231–232; Зайцев Б. К.* Отблески вечногo... С. 391–392).

³⁴ *Андреев Л. С. О. С.* С. 519.

³⁵ Фотографию см.: Там же. Вкл. между с. 320 и 321; перепеч.: *Карельский перешеек: страницы истории.* Кн. 5. С. 224; *Востров А.* Неполнота времени... С. 108.

³⁶ Это современное наименование появилось после того, как в 1950-х гг. на месте исчезнувшей в 1940 г. первоначальной бронзовой скульптуры «*чей-то заботливой рукой*» был поставлен гипсовый макет работы скульптора Марии Львовны (Миной Леонидовны) Диллон (1858–1932), занявшей второе место в конкурсе 1911 г. на проект надгробного памятника, объявленного овдовевшим Е. Э. Картавцевым. Простояла эта скульптура

шен, хотя окончательно ещё не разорен. По-видимому, зимой 1939/40 или 1940/41 гг. можно датировать фотографию, хранящуюся в Орловском государственном литературном музее И. С. Тургенева (далее: ОГЛМТ), на которой зафиксирован поверженный разломанный крест перед совершенно целым постаментом. Хорошо видно, что вверху постамента гранитный крепёж под крест отсутствует, нет и цветника. Запечатлённый на фотографии мужчина, возможно, оказался здесь отнюдь не случайно — может быть, это Лев или Леонид Андреевы³⁷.

Могила Л. Андреева у Скорбященской церкви в Метсякюля. Постамент совершенно цел. Фото второй половины лета — начала осени 1940 (?). Источник: альбом «Леонид Андреев. Жизнь Человека». М., 2021

Другая фотография, из фондов ГЛМ, от «зимнего» снимка отличается тем, что сверху на постамент возвращён крепёж под крест, но остатков его самого не просматривается. Зато оформлен миниатюрный цветник, ограждённый пятью кирпичами³⁸.

Указанная датировка этого снимка: 1947 г. — очевидно неточна по определяющему признаку — совершенно целому постаменту. Фотография более подходит к второй половине лета — началу осени 1940 г. Полагаем, что здесь могло возыметь действие письмо Ленинградского отделения Литературного фонда СССР (5 июля 1940), появившееся,

видимо, не без участия Р. Андреевой и адресованное заведующему Отделом городской скульптуры т. Виноградову: «В Литературный фонд Союза советских писателей поступило заявление о том, что в м-естечке» Мейсякюля у станции Велялиоки³⁹ находится в разрушенном состоянии могила Леонида Андреева.

Литературный фонд просит Отдел городской скульптуры принять меры к сохранению могилы или организовать перенос праха Л. Андреева на Литераторские мостки Волкова кладбища.

недолго: «Какой-то неизвестный человек снял её с надгробного камня и продал Музею городской скульптуры. Благодаря ему сегодня у нас есть возможность посмотреть на скульптурный макет, изготовленный близкой подругой Марии Всеволодовны Крестовской» (Нестеренко С. С. Марьяна Гора: настоящее и прошлое // Смоляной путь: ист.-культур. альм. Вып. 1. СПб., 2014. С. 87–88).

³⁷ Андреевы Лев (1902–1950) и Леонид (1903–1974) Аркадьевичи — сыновья Р. Н. Андреевой и А. П. Алексеевского. Поскольку брак был гражданский, получили фамилию своего крёстного отца писателя Л. Андреева.

³⁸ Воспроизведение см.: Леонид Андреев: Жизнь Человека... С. 136.

³⁹ Таким образом оказалось передано название станции Ваммельйоки (Vammeljoki), ныне платформа Молодёжная.

Просьба сообщить Литфонду, в какой сумме выразится расход по восстановлению могилы или переноса праха для затребования необходимой суммы в Правлении Литфонда в Москве»⁴⁰.

Данное обращение может оцениваться как несомненное дополнение к системе мероприятий по перемещению культурных, в частности книжных ценностей после завершения войны с Финляндией. Так, в 1940 г. ленинградская «Публичка» пополнила свои фонды зарубежными изданиями из Библиотеки Выборгского культурно-просветительного общества и др.⁴¹ и при организационной поддержке Военно-Морского Флота снарядила экспедицию на остров Валаам для подбора книг из монастырской библиотеки⁴².

Вопрос о перезахоронении праха Л. Андреева если и поднимался, — решиться не успел: началась «война-продолжение», как она именуется в финской историографии. К 2 сентября 1941 г. финны практически восстановили свою государственную границу на 1939 г.

Захоронение Л. Андреева продолжало поддерживаться, наверное, вернувшимися из финской эвакуации местными русскими, по мере сил хотя бы частично восстановившими метсякюльские церковь и некрополь.

Летом 1944 г. при штурме укреплений проходившей здесь финской оборонительной линии VT⁴³ в постамент памятника Л. Андрееву попал снаряд либо большой осколок. При таком повреждении постамент неизбежно должен был слететь со своего места, на которое был затем возвращён — кем? Может быть, доля правды содержится в словах хорошо осведомлённого Л. Н. Афонина⁴⁴: «...солдаты Советской Армии в 1944 году освободили

⁴⁰ Архив СПбГБУК «Санкт-Петербургский государственный музей городской скульптуры» (далее: Архив ГМГС). Дело «Памятник надгробный Андрееву Леониду Николаевичу». Л. 5. Благодарим старшего научного сотрудника А. Н. Соловьёву и директора музея В. Н. Тимофеева за содействие в получении этого и других документов, цитируемых здесь впервые.

⁴¹ См.: Тимофеев А. Г. «Зимняя» война как источник пополнения Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина // Деятели книги: Михаил Николаевич Куфаев (1888–1948): сб. науч. тр. по материалам 15-х Смирдинских чтений. СПб., 2010. С. 252–263; Он же. «Журнал Содружества» в истории русской словесности: начало пути (1933–1934) // Редакционная переписка «Журнала Содружества» за 1932–1936 годы... С. 70–72; Там же. Вкл. между с. 256 и 257.

⁴² См.: Архив РНБ. Ф. 2. Оп. 24/3 (1940). Д. 7. Таким способом отдел комплектования ГПБ (ныне РНБ) получил 1191 экземпляр различных изданий (см.: Там же. Л. 26 об.).

⁴³ Линия «Ваммельсуу — Тайпале», или т. н. «Карельский вал», возводившаяся Финляндией в 1942–1944 гг. на Карельском перешейке взамен Главной оборонительной полосы (которую неточно принято называть «Линией Маннергейма»). Тайпале — ныне Соловьёво (Приозерского района Ленинградской области).

⁴⁴ Афонин Леонид Николаевич (1918–1975) — орловский писатель и журналист, литературатуровед, театральная критик. В 1959–1967 гг. директор ОГЛМТ; создатель Музея писателей орловцев. Автор первой советской книги о Л. Андрееве, вышедшей после Великой Отечественной войны.

от гитлеровских захватчиков местность, где был похоронен Л. Андреев, восстановили могилу писателя, разрушенную фашистскими снарядами»⁴⁵. Поставить верные акценты в то время он просто не мог, хотя известно, что «сразу же после выхода книги 1959 года <...> задумал её переделать. За два десятилетия он собрал обширный документальный материал, <...> но успел написать только три главы <из запланированных 17-ти>»⁴⁶.

Потому на трёх других доступных нам снимках, относящихся к первой половине 1950-х гг. и хранящихся в Литературном музее Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и ОГЛМТ, постамент запечатлён уже с грубо разбитой левой стороной⁴⁷. Крепежа под крест и цветника нет и в помине. На одном из снимков — более раннем — хорошо виден остаток разбитой стены церкви, на двух других приведённое в порядок захоронение огорожено штакетником.

К 1946–1952 гг. относятся воспоминания Вячеслава Лейкина, отдыхавшего поблизости в пионерском лагере: «...по Выборгскому шоссе мы ходили к финской церкви, полуразрушенной, понятно, что заброшенной, но не утратившей былого величия <...>. ...перед храмом на особенной площадке стояли кресты и лежали могильные плиты. Кажется, их было пять, и на одной из них значилось: Леонид Андреев. Уже потом, по прошествии чуть ли не пары десятилетий, я выяснил, что Андреев этот был знаменитый писатель и драматург»⁴⁸.

По-видимому, здесь подразумевается всё-таки семейное захоронение Л. В. Андреева⁴⁹, так как невозможно не заметить, что могила писателя была отмечена не плитой, а сильно повреждённым постаментом. Да и находилась она у южной стены церкви, мемуарист же явно указывает на группу захоронений внутри ограды перед западным фасадом храма,

⁴⁵ Афонин Л. Леонид Андреев. [Орёл], 1959. С. 219.

⁴⁶ Вологодина О. В., Иезуитова Л. А. Леонид Николаевич Афонин: солдат, поэт, учёный, педагог, просветитель: [предисл.] // Афонин Л. Леонид Андреев: (из неопубл.). Орёл, 2008. С. 9 (в данном издании и напечатаны эти главы).

⁴⁷ Вместе с первым довоенным снимком, на котором изображён неизвестный мужчина, воспроизведение см. на странице Александра Браво во ВКонтакте, посты от 7 и 9 сентября 2021 г. и сайте «Зеленогорск/Териоки»: terijoki.spb.ru.

⁴⁸ Полностью: Лейкин В. Пионерский лагерь Ижорского завода в посёлке Тюрисея (Серово) (1946–1952 годы) // <http://ristikivi.spb.ru/docs/vammelsuu-leykin-1.html> — воспоминания написаны в 2009 г. специально для помещения на сайте «Ristikivi. Частный архив Карельского перешейка» (фрагмент перепеч.: Лапин И. С. Храмы Карельского перешейка. СПб., 2019. С. 33).

⁴⁹ Речь идёт о надворном советнике Леониде Владимировиче Андрееве, служившем в отделе промышленности Министерства финансов, затем в Комитете по техническим делам Министерства торговли и промышленности, после он был владельцем универмага в Терийоках, его жене Екатерине Николаевне, вдове потомственного почётного гражданина купца Василия Алексеевича Погребова, и каких-то их родственниках, семейное место которых находилось внутри ограды метсякульской церкви. Зимой 1918 — весной 1919 гг. писатель Л. Андреев снимал его дачу в Тюрисея.

которые хорошо видны на довоенных фотографиях... Как бы то ни было, обеспечить сохранность захоронения Л. Н. Андреева после войны стало уже невозможным — рано или поздно остатки метсякюльского некрополя безжалостно полностью бы разорили, что и случилось: следы фундамента большого склепа и ямы на местах захоронений внутри полуразрушенной ограды хорошо видны до сих пор.

Вспомнил ли хоть кто-нибудь, что где-то в гораздо более обширной немусейной части Волковского кладбища упокоилась Р. Н. Верещагина (Андреева), скончавшаяся в начале блокады Ленинграда — в октябре 1941 г.⁵⁰ Следовательно, в свидетельстве Леонида Андреева (Алексеевского) — очевидная ошибка памяти: *«В 1942 году она сильно простудилась и получила острое воспаление лёгких, в результате болезни она умерла. До этого у ней было очень плохо с сердцем и лёгкими»*⁵¹.

Не исключено, что при перезахоронении Л. Андреева вспомнили о Марии Картавцевой — хотя бы в связи с тем, что в 1955 г. прах её отца В. В. Крестовского перенесли с Никольского кладбища Александро-Невской лавры на «Литераторские мостки»⁵². Основание её надгробия в Метсякюля, сложенное из гранитных глыб, несмотря на все перипетии, отлично сохранилось со всеми изначально вырубленными на них надписями. Однако в этом случае переносить из разорённого склепа, скорее всего, оказалось просто нечего.

Вряд ли кто-то из участников перезахоронения Л. Андреева знал о его словах в письме к орловской знакомой Л. Н. Дмитриевой (конец сентября 1891), когда он только начинал учиться на юридическом факультете Петербургского университета: *«...с студентами сойтись очень трудно, знакомых избрести тоже. Хотя я попал в один студенческий кружок (это между нами), но чувствую себя там совсем чужим, да и едва ли когда-нибудь своим почувствую — уж больно наши взгляды на жизнь расходятся. Они народ деятельный, верящий и имеющий свои идеалы, а мой идеал — поскорей добраться до Нирваны, скорей до Волковского или Крестительского кладбища»*⁵³.

Своеобразное «пророчество» свершилось. Круг замкнулся. Леонид Андреев, один из ярчайших представителей русской литературы начала XX века, спустя 37 лет после

⁵⁰ См.: Блокада, 1941–1944. Ленинград. Книга памяти: в 35 т. Т. 5 / [редкол.: В. Н. Щербаков (пред.) и др.]. СПб., 1999. С. 393 (здесь год рождения: 1881).

⁵¹ Андреев (Алексеевский) Л. А. Заметка к Воспоминаниям Р. Н. Верещагиной и А. П. Алексеевского (рукопись, хранящаяся в ОГЛМТ); цит. по: *Затуловская Л. Д.* Воспоминания Р. Н. Андреевой: место семьи в жизни и творчестве Леонида Андреева (по материалам фондов ОГЛМТ) // Творчество Леонида Андреева: современный взгляд: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения писателя, 27–29 сент. 2011 г. / [науч. ред. Е. А. Михеичева]. Орёл, 2011. С. 142.

⁵² См.: Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М., 2009. С. 425.

⁵³ Цит. по: Кен Л., Рогов Л. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб., 2010. С. 37. На Крестительском кладбище в Орле похоронен Николай Иванович Андреев (1849–1889), отец писателя.

смерти обрёл вечный покой в национальном пантеоне русской творческой и научной интеллигенции — таковым Волковское кладбище, место упокоения множества известнейших деятелей русской культуры, воспринималось уже в 1880-е гг.

Советская профессиональная литературная печать скупно обмолвилась с большим запозданием: «Недавно сюда, на „Литераторские мостки“, перенесён с Никольского кладбища прах И. Гончарова, Д. Мамина-Сибиряка и А. Чапыгина, а с Карельского перешейка — Л. Андреева. Над могилами писателей будут установлены прежние памятники. Пришедшие в ветхость надгробия И. Гончарова и Л. Андреева заменяются новыми»⁵⁴.

Надгробный памятник Л. Андреева на «Литераторских мостках» Волковского кладбища.

Архитектор Ф. А. Гепнер. 1957. Фото Г. Г. Мартынова. Октябрь 2022

Таким образом, сильно повреждённый постамент, скорее всего, был оставлен на месте и со временем затерялся. Безотлагательно требовался новый памятник, и 11 октября 1956 г. в адрес директора Музея городской скульптуры Г. Д. Нетунахиной поступило письмо: «Ленинградское отделение Литфонда СССР просит из имеющихся у Вас фондов наличия бесхозного камня подобрать надгробные памятники писателям Гончарову И. А., Андрееву Л. И., Вейнбергу П. И. и Фидлеру Ф. Ф., перезахороненным на Литераторских мостках Волкова кладбища.

Изготовление проектов поручено архитектору Гепнеру <у> Ф. А.⁵⁵».

В тот же день директор музея наложила резолюцию: «В связи с работами по расчистке территории Некрополя XVIII в. от памятников, не имеющих художественного и исторического зна-

⁵⁴ *Наш корреспондент*. Перенесение праха писателей // Литературная газета. 1956. 4 окт. № 118. С. 3. В ленинградской печати той поры тема перезахоронений не обсуждалась, исключая упоминание о том, что «в нынешнем году прах писателя <И. А. Гончаров> был перенесен в некрополь „Литераторские мостки“ (Волково кладбище)» (Черно А. Здесь жил И. А. Гончаров // Вечерний Ленинград. 1956. 27 сент. № 227. С. 3).

⁵⁵ Гепнер Филипп Аронович (1917–2000) — ленинградский архитектор. Среди многих других его проектов: жилой комплекс на Заневском пр. (совместно с Г. В. Костюриным и М. Е. Русаковым, 1966–1968); здание мастерской М. И. Аникушина на Песочной наб. (1968); памятник А. И. Воейкову в посёлке Воейково Всеволожского района Ленинградской обл. (скульптор М. И. Аникушин, 1957) и др.

чения, считаю возможным выделить Литфонду отбракованный камень как материал для изготовления надгробий»⁵⁶.

Соответствующий документ появился 22 ноября 1956 г.: «Мы, нижеподписавшиеся: хранитель Некрополя Музея городской скульптуры Н. И. Удимова — с одной стороны, и представитель Монументных мастерских Н. Г. Матвеев — с другой, составили настоящий акт в том, что, на основании распоряжения директора Музея, первая выдала, а второй, действуя на основании доверенности Л-енинградского > о-тделения < Литфонда, переданной им в Управление делами Музея, получил две колонны чёрного шведского гранита из числа памятников, списанных решением Ленгорисполкома от 22 ноября 1955 года за № 11-66-б, предназначенные для изготовления из них памятников писателям И. А. Гончарову и Л. Н. Андрееву в Некрополе Музея городской скульптуры Литераторские мостки»⁵⁷.

Готовые новые и вновь установленные на местах перезахоронений первоначальные памятники осмотрела специальная Комиссия по приёмке памятников писателям на «Литераторских мостках» — акт составлен 18 июля 1957 г.: «Осмотрев в натуре памятники писателям, заказанные Л-енинградским > о-тделением < Литфонда Монументным мастерским Управления предприятий коммунального обслуживания, комиссия рекомендовала следующее:

1. Памятник Л. Н. Андрееву: 1-й (верхний) камень передвинуть и выровнять по старому следу.

2-й камень повернуть на 45°.

3-й камень освободить от земли.

Закрепить верхний камень, применяя свинец.

Затереть ребра, обновить полировку и перенести решётку от памятника И. А. Гончарову. <...>

Комиссия считает необходимым отметить НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЕ качество выполненных работ и обязать Монументные мастерские к 15 августа т-екущего > г-ода < устранить все отмеченные в настоящем протоколе дефекты»⁵⁸. Акт подписали председатель комиссии Г. Д. Нетунахина, члены комиссии: заместитель директора Ленинградского отделения Литфонда А. А. Хайтин, главный архитектор Музея городской скульптуры А. А. Шевелевич, хранитель «Литераторских мостков» Н. И. Удимова.

Недоделки устранить не успели, но время не ждало — открытие нового памятника Л. Андрееву приурочили к 38-й годовщине его смерти по старому стилю — 30 августа 1957 г. Он составлен из трёх разновеликих объёмов. Верхняя часть в форме восьмигранного столба (имеет трещину) и средняя часть — восьмигранный же постамент с фигурным по-

⁵⁶ Архив ГМГС. Дело «Памятник надгробный Андрееву Леониду Николаевичу». Л. 7.

⁵⁷ Там же. Л. 8.

⁵⁸ Там же. Л. 9.

ясом вверху, должно быть, вырублены из упомянутой «отбракованной» колонны. Нижний камень визуальнo верхним частям не соответствует и, возможно, взят от другого «бесхозного» памятника до 1917 г. (скорее всего, он дополнительно ещё и срублен со всех сторон).

Полностью недоделки так и не устранили. Об этом свидетельствует акт от 25 ноября 1959 г.: «Мы, нижеподписавшиеся, представитель Л. О. Литературного фонда СССР В. Л. Хмельницкая, гл. архитектор Ленинградского Музея городской скульптуры Шевелевич, ст. научный сотрудник того же Музея Соловьёва составили настоящий акт в том, что согласно протокола комиссии о приёмке памятников писателям в некрополе „Литераторские мостки“ от 18 июля 1957 г. остались невыполненными следующие работы:

1. Памятник Л. Н. Андреева: верхний камень передвинуть и выровнять по старому следу, второй камень повернуть на 45° градусов, вырубить профиль и факсимиле, согласно утверждённого проекта»⁵⁹.

Профильный портрет с факсимиле подписи писателя почему-то так и не появились, в наличии только надпись, вырубленная на западной грани среднего камня (постамент): «Леонид Николаевич Андреев. 1871-1919»⁶⁰.

В 1958 г. на дорожке архитекторов «Литераторских мостков» похоронили архитектора А. А. Оля.

Остаётся процитировать ещё один архивный документ — письмо директора Музея городской скульптуры Н. А. Беловой к В. Е. Гусеву⁶¹ от 9 октября 1979 г.: «В 1975-1977 гг. музеем проведена большая работа по благоустройству территории некрополя <“Литераторские мостки“>. Работа проводилась по проекту архитекторов-художников СНПО „Реставратор“. По проекту у могилы Н. С. Лескова не предусмотрен зелёный газон, а сделана площадка без цветника; <...> на зелёном газоне установлен и памятник Л. Андрееву, место установки выбрано Литфондом, на средства которого ставился памятник. До благоустройства надгробие стояло в центре газона, при проведении работ газон был изменён таким образом, что памятник теперь стоит почти у дорожки и хорошо виден»⁶².

В посёлке Молодёжное осталась лишь неостывшая память места. В 1958 г. частично уцелевшие стены Скорбященской церкви, явно угрожавшие отдыху активных детей из раз-

⁵⁹ Архив ГМГС. Дело «Памятник надгробный Андрееву Леониду Николаевичу». Л. 11. Особенности орфографии оригинала сохранены.

⁶⁰ Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. С. 416; Некрополь Литераторские мостки: художеств. надгробие: кат. / авт.-сост.: А. А. Алексеев и др.; общ. ред. В. Н. Тимофеев; науч. ред. Н. Н. Ефремова; авт. вступит. ст. А. Н. Латышев. СПб., 2017. С. 15.

⁶¹ Скорее всего, Гусев Виктор Евгеньевич (1918-2002) — фольклорист; в 1955-1969 гг. учёный секретарь и старший научный сотрудник сектора народного творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, в 1969-1980 гг. проректор по научной работе Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии.

⁶² Архив ГМГС. Д. «Памятник надгробный Андрееву Леониду Николаевичу». Л. 39.

Вид на место первоначального захоронения Л. Андреева от руин Скорбященской церкви в Метсякюля (ныне посёлок Молодёжное). Фото Г. Г. Мартынова. Май 2023

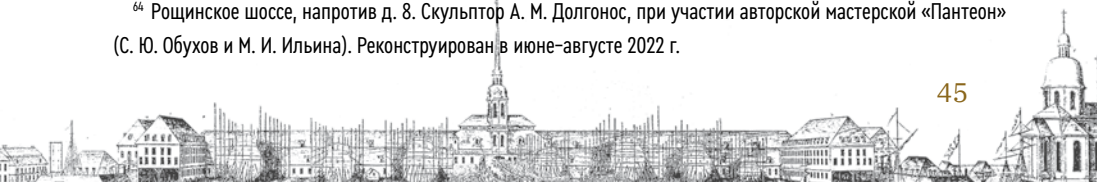
мещённых в округе пионерлагерей, были окончательно подорваны и сейчас представляют собой лишь груду искорёженного бетона. Руины словно осеяют следы фундамента виллы «Мариоки», воссозданный скульптором О. П. Кузнецовым в 2014 г. памятник Марии Картавцевой (Крестовской), утерянные захоронения рядом с ней, разбросанные вокруг них железобетонные остатки укреплений линии VT, установленный в 2009 г. скромный мемориальный знак, напоминающий об их прорыве 12 июня 1944 г.

Ныне это территория исторического мемориального парка «Марьяна Гора». Текст на одном из размещённых здесь информационных щитов начинается словами: *«До 1956 года на этом месте находилась могила русского писателя Леонида Николаевича Андреева».*

По-прежнему сохраняются и остатки фундамента дачи писателя, в послевоенные годы оказавшиеся на территории пионерлагеря «Океан» — по странному совпадению названия с его одноимённой пьесой (1911)⁶³. Сейчас здесь, за корпусом № 9, также поставлен соответствующий информационный щит. Неподалёку в посёлке Серово 19 августа 2016 г. открыт бронзовый памятник писателю в виде раскрытой книги с различными надписями и бюстом в нише⁶⁴.

⁶³ Фотографию остатков фундамента см.: Востров А. Неполнота времени... С. 138.

⁶⁴ Рощинское шоссе, напротив д. 8. Скульптор А. М. Долгонос, при участии авторской мастерской «Пантеон» (С. Ю. Обухов и М. И. Ильина). Реконструирован в июне-августе 2022 г.

А. Б. Рыжков

ИМЯ МАКСИМА ГОРЬКОГО НА КАРТЕ ПЕТЕРБУРГА И ОКРЕСТНОСТЕЙ

В 2023 г. исполнилось 155 лет со дня рождения Алексея Максимовича Пешкова (1868–1936), вошедшего в русскую и мировую культуру под литературным именем Максим Горький. Властитель дум либеральной интеллигенции начала XX в., он стал и самым издаваемым в СССР советским писателем, повсеместно увековеченным ещё при жизни, в первую очередь в топонимии. Его нынешний юбилей — хороший повод проследить историю «горьковских» названий на территории современного Петербурга и окрестностей, а заодно и порассуждать о некоторых особенностях советской топонимической политики и парадоксах повального увековечения.

Ленинградская «топонимическая горьковиана» началась в 1929 г., когда писатель вторично посетил Советский Союз после отъезда в последнюю эмиграцию. Максим Горький тогда побывал и в Ленинграде, выступал на Балтийском заводе, а также в открытом в 1927 г., к 10-летию Октябрьской революции, ДOME культуры Московско-Нарвского района на площади Стачек, 4. Этот замечательный памятник ленинградского конструктивизма построен по проекту архитекторов А. И. Гегелло и Д. Л. Кричевского. В честь визита сверхпопулярного писателя его имя и было присвоено этому ДК, поначалу в форме *им. М. Горького*. В послевоенные годы вошёл в употребление более солидный вариант наименования — *Дворец культуры им. А. М. Горького*. Под таким названием здание было включено в перечень объектов культурного наследия, однако сейчас на нём этой вывески нет. В 2020 г. пришедший в упадок ДК перешёл в ведение правительства Ленинградской области, которое выкупило его у Федерации профсоюзов, и теперь его официальное наименование — Дворец искусств Ленинградской области. При желании в таком названии можно расслышать

Ю. П. Анненков. Максим Горький.
1920

Дворец культуры им. А. М. Горького. 1977.
Источник: www.citywalls.ru

намёк на знаменитый Дом искусств, открытый в 1919 г. в Петрограде по инициативе именно Максима Горького.

В 1932 г. страну захлестнула волна топонимического увековечения писателя, приуроченная к торжествам по случаю 40-летия начала творческой деятельности Максима Горького и к его окончательному возвращению в СССР. Его родной *Нижний Новгород* был переименован в *Горький* (историческое название возвращено городу в 1990 г.), по всей стране появлялись *улицы Горького*, и Ленинград, конечно, не остался в стороне. Заметим, что и в этом, и во многих других случаях топонимического увековечения 1920–1940-х гг. прижизненное присвоение названий в честь того или иного деятеля воспринималось как само собой разумеющееся признание его выдающихся заслуг. Таким же естественным выглядело немедленное стирание с карты имени репрессированного или «проштрафившегося» деятеля. Только в 1957 г. было запрещено прижизненное увековечение в географических названиях, в 1968 г. этот запрет распространился на названия улиц и официально действовал до конца существования СССР.

Итак, Максим Горький стал ещё при жизни бессменным членом советского топонимического «ареопага», обязательным к увековечению на всей территории Советского Союза. В Ленинграде в его честь в 1932 г. *Кронверкский проспект* был переименован в *проспект Максима Горького* (историческое название возвращено в 1991 г.). Здесь, в доме № 23 (построен в 1911–1912 гг. как доходный дом Е. К. Барсовой, архитектор Е. Л. Морозов), писатель проживал в 1914–1921 гг., до отъезда в последнюю эмиграцию. Тогда же, в 1932 г., в его честь назвали два ленинградских учреждения, к созданию которых Горький имел самое прямое отношение.

Дом учёных им. М. Горького Российской Академии наук, творческий клуб научной интеллигенции, по сей день располагается по адресу: Дворцовая набережная, 26 (в 1923–1944 гг. — набережная Девятого Января). Этот великолепный особняк был возведён в 1867–1872 гг. в стиле неоренессанса по проекту архитектора А. И. Резанова для великого князя Владимира Александровича, занимавшего на тот момент должность президента Императорской Академии художеств. Авторство хорошо сохранившихся интерьеров дворца принадлежит М. Е. Месмахеру.

В 1919 г. здесь ненадолго обосновалась библиотека издательства «Всемирная литература», созданного годом ранее по инициативе Максима Горького. Эта библиотека, переехав-

Дом № 23 по Кронверкскому проспекту. 2022.

Источник: www.citywalls.ru

Дом учёных им. М. Горького РАН.
Источник: www.citywalls.ru

шая затем на Моховую улицу, 36, стала основой Библиотеки иностранной художественной литературы, фонда Государственной Публичной библиотеки (ныне Российская национальная библиотека). А особняк на Дворцовой набережной в январе 1920 г. был передан Петроградской комиссии по улучшению быта учёных (ПетроКУБУ) — идея её создания также принадлежала Горькому. Главной задачей ПетроКУБУ, как и упомянутого выше Дома искусств, стала поддержка учёных, писателей, деятелей искусства и их семей, находившихся в крайне бедственном положении.

Дом учёных торжественно открылся в бывшем великокняжеском дворце 31 января 1920 г. Максим Горький выступил с приветственным словом, а первые доклады в клубе учёных прочитали академики С. Ф. Ольденбург и А. Е. Ферсман. В 1922 г. работа Дома учёных была свёрнута, здание передано профсоюзу работников просвещения. Но в 1931 г. уже при Совнаркоме СССР была образована Комиссия содействия учёным, и Дом учёных возобновил свою деятельность в Ленинграде. В 1932 г. ему вполне заслуженно присвоили имя Максима Горького, сохранившееся в его названии до настоящего времени.

В Ленинграде имя писателя в 1932 г. получило и чисто культурное учреждение — *Большой драматический театр им. М. Горького*, носивший его до 1992 г. Затем он был переименован в честь гениального режиссера Г. А. Товстоногова, руководившего театром в период его «золотого века», с 1956 по 1989 г. Однако, нельзя сказать, что имя «буревестника революции» театр получил незаслуженно. Ведь он был создан в 1918 г. по совместной инициативе писателя и его многолетней спутницы жизни М. Ф. Андреевой (1868–1953), профессиональной актрисы, также отдававшей много сил участию в российском революционном движении. В 1918 г. Мария Андреева занимала пост комиссара театров и зрелищ Союза коммун Северной

области, и в этой должности подписала декрет об учреждении Особой драматической труппы, превратившейся в знакомый всем ленинградцам-петербуржцам БДТ. С 1920 г. театр занимает здание на набережной реки Фонтанки, 65, построенное по проекту архитектора Л. Ф. Фонтана в 1878 г. по заказу графа А. С. Апраксина. В 1895–1917 гг. здесь находился Малый театр, известный также как Суворинский — по фамилии своего основателя А. С. Суворина (1834–1912).

Большой драматический театр им. М. Горького
Источник: www.citywalls.ru

Вторая волна присвоения названий в честь Максима Горького, началась после смерти писателя, в 1936 г. В Ленинграде она характеризовалась ещё одной интересной топонимической особенностью советского периода. Что делать, если название «в честь» присвоить нужно, а безымянных объектов или других, подходящих для переименования, не имеется? В ряде случаев выходом из положения стало добавление «выдающегося» имени к существующему названию. Ещё в 1920-е гг. *Александровский сад*, носивший своё имя с 1874 г. в честь императора Александра II, был переименован в *сад Трудящихся*, а в 1936 г. его официальным названием стало *сад Трудящихся им. А. М. Горького!* В 1989 г. эту чудовищную топонимическую конструкцию заменили на *Адмиралтейский сад*, и только в 1997 г. Александровский сад официально вернулся на карту города... Ну а ленинградцы-петербуржцы никогда его иначе и не называли.

Аналогичным образом поступили с типографией «*Печатный двор*», которая вела свою историю от созданной в 1827 г. типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; с 1882 г. — Государственная типография. Между прочим, знаменитый корпус Бенуа Русского музея построен как раз на месте, занимаемом до 1910 г. Государственной типографией. Затем она обосновалась в новых корпусах на Петербургской стороне, возведённых по проекту архитектора Л. Н. Бенуа между Геслеровским переулком (ныне Чкаловский проспект), Гатчинской и Ораниенбаумской улицами (современный адрес — Чкаловский проспект, 15). В 1922 г. типография на Петроградской стороне получила официальное наименование «Печатный двор», а в 1936 г. к этому названию, звучавшему совсем в духе петербургской старины, было добавлено имя писателя. Одна из крупнейших в стране, типография «*Печатный двор им. А. М. Горького*» работала под таким названием до очередной реорганизации в 2010 г., но через два года прекратила производственную деятельность.

Непосредственно с Ленинградом связано имя крейсера «*Максим Горький*», заложенно-го в 1936 г. и спущенного на воду в 1938 г. на Балтийском заводе, которому к тому времени присвоили имя Серго Орджоникидзе. Крейсер принимал активное участие в обороне Ленинграда и других боевых действиях на Балтике в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Также к 1930-м гг. относится присвоение имени М. Горького научной библиотеке Ленинградского государственного университета, сохранившей его до настоящего времени в составе СПбГУ. Вообще, имя писателя пользовалось большой популярностью в библиотечном деле, многие советские библиотеки украшало его изречение в хрестоматийном виде: «*Все-му хорошему во мне я обязан книгам*». Из названий массовых библиотек на территории современного Санкт-Петербурга можно вспомнить парголовскую *библиотеку им. М. Горького*, открывшуюся в 1938 г. в доме на Выборгском шоссе, с 1961 г. имевшем № 379. Это здание не сохранилось, а её современная наследница находится ныне в доме № 369, корпус 3, и называется просто: *библиотека «Парголовская»*. До настоящего времени имя М. Горького, присвоенное уже в 1980-е гг., сохраняется в названии библиотеки № 2 Фрунзенского района, которая расположена на Малой Балканской улице, 58.

К 1930-м гг. относится и появление названия *больницы им. М. Горького*, которая в довоенное время располагалась в Стрельне, в здании деревянного дворца Петра I на Больничной горке. Сейчас об этом напоминает название соседней *улицы Максима Горького*. Решение о наименовании больницы могло быть связано с тем, что в последний период своей жизни писатель проявлял большой интерес к развитию медицины в Советском Союзе. Он даже стал одним из инициаторов создания Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ), образованного в Ленинграде в 1932 г. на базе созданного в 1890 г. Института экспериментальной медицины. В 1934 г. ВИЭМ был переведён в Москву и после смерти Максима Горького в 1936 г. наименован в его честь.

Пока не удалось установить точную дату переименования *Авенариусской улицы* в Сестрорецке в *улицу Максима Горького*, но, несомненно, это также произошло в 1930-е гг. Прежнее название улицы было присвоено в 1898 г. по имени основателя санатория «Сестрорецкий курорт» П. А. Авенариуса (1843–1909). Этот разносторонний человек, по образованию морской инженер-механик, был неугомонным предпринимателем, его первым

коммерческим проектом стала Петербургско-Сестрорецкая железная дорога, заработавшая в 1894 г. Для её лучшей окупаемости Пётр Авенариус предложил правительству план создания санаторно-курортного комплекса на северной окраине Сестрорецка, который и открылся в 1900 г. Переименование Авенариусской улицы в честь Горького было обосновано тем, что писатель провёл на Сестрорецком курорте три месяца в начале 1904 г. Он проживал в сохранившемся до наших дней здании Института

Лечебный корпус санатория «Сестрорецкий курорт». Начало XX в. Источник: www.citywalls.ru

физических методов лечения, занимая две комнаты в жилом крыле.

Послевоенные наименования улиц в честь Горького присваивались в ближайших пригородах Ленинграда уже без какой-либо привязки к его жизни и деятельности. В форме *улица Максима Горького* в 1950-х гг. были названы существующие ныне улицы в Горелове, Металлострое, Усть-Ижоре, а также несохранившиеся — в Колпине и Володарском (Сергиеве). В более лаконичной форме *улица Горького* возникли названия в Левашове и в Павловске (последняя до 1952 г. именовалась *2-й улицей Под Дубками*). Всё это — примеры практического использования «топонимической обоймы», которой мы обязаны некоторым однообразием советской топонимической картины.

А вот на Карельском перешейке для присвоения названий в честь Максима Горького были выбраны объекты, действительно связанные с его биографией. В рамках большой

компании по топонимической русификации территорий, вошедших по итогам Второй мировой войны в состав РСФСР, деревни *Кирьявала* и *Неувола* Каннельярвского района Ленинградской области в 1948 г. были объединены в посёлок *Горьковское*, а ближайшая к ним железнодорожная станция *Мустаямки* переименована в станцию *Горьковское* (ныне это территория Выборгского района).

Источник: www.etomesto.ru

Здесь, в «русскую Финляндию», Максим Горький приехал, вернувшись в Россию 31 декабря 1913 г., после нескольких лет жизни за границей. Сначала писатель проживал в Кирьявала, в дачном доме Е. Ф. Крит, сестры М. Ф. Андреевой, а затем переехал в пансионат А. П. Горбик-Ланг. Там он жил почти весь 1915 г., лето и часть зимы 1916 г., приезжал сюда и в первой половине 1917 г. Это здание, сохранившееся до наших дней, отмечено посвящённой писателю мемориальной доской. В начале 1930-х гг. оно было выкуплено местной общиной, и в нём разместилась народная школа, по такому же назначению оно использовалось и в начальный советский период. В 1979 г. здесь была открыта база отдыха «Метролог» Всесоюзного научно-исследовательского института метрологии им. Д. И. Менделеева, работавшая до начала 1990-х гг. Сейчас дом находится в частном владении.

Дача В. А. и Е. Ф. Крит в Кирьявала (сгорела в 1941 г.). Источник: www.terijoki.spb.ru

Бывший пансионат А. П. Горбик-Ланг в Неувола (Горьковское). 2010. Источник: www.terijoki.spb.ru

Часто можно прочитать, что Горький жил в Мустаяках, что не совсем точно, поскольку так назывался пристанционный посёлок в нескольких верстах от Неуволы. С другой стороны, в обиходе русских дачников было принято указывать местопребывание по ближайшей железнодорожной станции, так что «дача в Мустаяках» могла находиться в любой из близлежащих деревень. Эта местность, как и вся «русская Финляндия», пользовалась большой популярностью и среди творческой интеллигенции, и среди деятелей

революционного движения, причем зачастую, как в случае с Максимом Горьким и Марией Андреевой, это были одни те же люди. Особенности автономии Великого княжества Финляндского лишали свободы действия царскую политическую полицию — вот такие гримасы самодержавия! Среди мустамякских дачников были замечены Ф. И. Шалапин, М. М. Пришвин, Д. Д. Бурлюк, В. М. Конашевич, О. Э. Мандельштам, Е. Н. Чириков, а также такие видные большевики, как В. И. Ленин, В. Д. Бонч-Бруевич, Ф. В. Ленгник, Л. Б. Каменев, А. Г. Шляпников, М. С. Ольминский, Г. И. Петровский (в честь которого был назван Днепропетровск)... Непосредственно на станции Мустамяки находилась дача жандармского полковника П. Л. Вильчевского.

Географическое название Мустамяки («обрусевшее» ещё до революции, о чём свидетельствует практика его склонения), как бы заключало в себе память обо всех этих разнородных деятелях, оставивших след в русской культуре и истории. Справедливо ли, что для современного наименования был выбран только один из мустамякских обитателей? В этом заключается парадокс «переименовательного увековечения»: желая почтить память конкретной персоны, с карты стирается топоним с мощным лексическим фоном, дававшим не одну, а множество культурно-исторических отсылок. Парадокс состоит и в том, что при этом обедняется память и об этапе жизни увековеченного деятеля (Н. В. Гоголь жил на *улице Гоголя*, декабристы выходили на *площадь Декабристов* и т. п.).

Возвращаясь к ленинградским топонимам в честь Максима Горького, остаётся упомянуть два названия, появившихся в 1963 г., к 95-летию со дня рождения писателя. Первое из них связано с ещё одним «финским» адресом Горького — несохранившейся виллой «Линтула» в Куоккала (с 1948 г. — Репино). Вилла располагалась примерно посредине западной части Прямой улицы на обширном участке, принадлежавшем шведу Эрстрему, из-за чего Прямую улицу также именовали Эрстремской дорогой. Здесь писатель провёл летние сезоны 1904 и 1905 гг., причём в июле 1905 г. в Куоккала он закончил пьесу «Дети солнца», которая с большим успехом была поставлена на сцене местного летнего театра при деятельном участии М. Ф. Андреевой. По этой причине *дому отдыха «Строитель»*, организованному в 1945 г. на бывшем участке Эрстрема, в 1963 г. и было присвоено имя

М. Горького. Главное здание дома отдыха возведено в 1957 г. в стиле псевдоклассицизма, по проекту архитектора В. М. Максимова, на южном краю эрстремского участка, выходящем на улицу Репина (современный адрес здания — Вокзальная улица, 1). Дом отдыха им. М. Горького работал до 1992 г. К 2010 г. здание было реконструировано под гостиницу с сохранением основных архитектурных решений.

Дом отдыха им. М. Горького в Репине. 1960-е гг.
Источник: www.citywalls.ru

Про переименование Куоккала в Репино, вызванное той же кампанией топонимической русификации конца 1940-х гг., можно сказать всё то же, что и про Мустамяки: имя великого русского художника, жившего здесь в собственной усадьбе «Пенаты», как бы стёрло на карте остальные культурные и исторические ассоциации, которыми обросло название Куоккала благодаря её популярности среди русской творческой и революционной интеллигенции.

Самым заметным топонимическим ориентиром, связанным с именем Максима Горького, в нашем городе стала *станция метро «Горьковская»*, открытая в 1963 г. на Московско-Петроградской линии. Выбор её наименования был обусловлен тем, что её наземный вестибюль появился в начале проспекта Максима Горького, памятник же писателю (скульптор В. В. Исаева) на противоположной стороне проспекта открыт в 1968 г., к 100-летию со дня рождения. Художественное оформление подземного зала станции непосредственно связано с Горьким: на торцевой стене помещён барельефный портрет из известняка, представляющий писателя в романтическом образе (скульпторы М. Р. Габеев, А. М. Торич и П. А. Якимович). Тему продолжают изображения героя одного из самых популярных в советские годы произведений Горького — «Песни о Буревестнике». Они находятся на художественно оформленных дверцах кабельных шкафов на путевых стенах станции. На путевых же стенах можно видеть и чисто декоративные решетки, чьё оформление отсылает к другим произведениям писателя (уже упомянутым «Детям солнца»).

К сожалению, горьковская тема никак не отразилась в утверждённом проекте осуществлённой в 2009 г. реконструкции наземного павильона станции «Горьковская», который теперь напоминает «летающую тарелку». При этом авторы проекта, вдохновлённые новым, «космическим» обликом павильона, сочли уместным разместить на его потолке над входом конструкцию розового цвета, должную символизировать поверхность Луны, или другого небесного тела, украшенного кратерами. Это в очередной раз подтверждает старую топонимическую истину: многократное повторение на карте имени выдающегося деятеля часто приводит к обратному эффекту, когда оно из собственного превращается практически в нарицательное и уже не воспринимается как топонимический памятник.

«Слова у нас, до важного самого, в привычку входят, ветшают, как платье», — эти строки Владимира Маяковского, другого видного представителя советского топонимического пантеона, нужно помнить всем желающим растиражировать на карте имена выдающихся деятелей.

От редакции. Из 17-ти районных центров Ленинградской области названия в честь писателя есть в шести городах — *проспект Горького* во Всеволожске, *улицы Максима Горького* — в Гатчине и Сланцах, *улицы Горького* — в Кировске, Подпорожье и Приозерске.

Л. Пантелеев

О НАЗВАНИИ УЛИЦ

В газетном очерке, посвящённом послевоенной Франции, я прочёл, что в Париже есть Московская, Сталинградская и Ленинградская улицы. Признаюсь, меня это крайне удивило. Не то удивило, что в Париже воздают честь нашим городам-героям, а то, что у нас, в нашей газете, так по-русски перевели названия этих улиц. Ведь сами-то мы уже давно отвыкли от этих правильных наименований.

Вот совсем на днях депутат одного из ленинградских районных Советов писала в «Известиях»: *«Почему бы, скажем, не иметь в Ленинграде проспекта Бухареста или площади Праги?»* Тот же автор в той же статье считает, что *«назрел вопрос о присвоении здешним улицам таких названий, как проспект Красной гвардии, проспект Выборгской стороны»*...

В «Литературной газете» поэт Евг. Долматовский, восставая против названия Мазутный проезд, предлагал в качестве замены такие названия, как *улица Радости, улица Юности*, а Евгений Воробьёв в той же газете рекомендует *«предусмотреть место для памятника герою на улице Гвардейцев»*.

Отрадно, что вопросами наименования и переименования улиц заинтересовалась наша общественность, что заговорили наконец о *«скудости воображения тех, кто ведаёт переименованием»*. Дело это, действительно, находится в состоянии прискорбном и давно уже требует решительного вмешательства. Жаль только, что с самого начала тонкий и сложный вопрос этот повернули совсем не в ту сторону. Ведь то, что нам предлагают в качестве образцов, не только не исправляет положения, но и закрепляет несуразицу и нелепость, царящие в этом деле.

Надеюсь, я не очень обижу Е. Долматовского, если скажу, что название Мазутный проезд, против которого он так горячо ополчился, всё-таки лучше, чем выдуманные им улица Радости или *улица Счастливая*. Лучше уже по одному тому, что скромное название это отвечает законам нашего языка, его этимологии.

Вспомним, как складывались исторически названия наших улиц. Назывались они чаще всего по имени церковного прихода, или по цеховому признаку, или по названию крупного землевладения, усадьбы... В течение веков имена улиц и переулков сохраняли ограниченное количество окончаний: *-ская, -ная (Поварская, Знаменская, Введенская, Стремянная, Шпалерная)*; *-ский, -ный, -ной (Крестовоздвиженский, Кузнечный, Соляной)*; *-ов, -ев, -ин, -ина (Лештуков, Гусев, Зимин, Зеленина)*, или, наконец, в самых старых русских городах: *-ка (Петровка, Софийка, Варварка, Якиманка, Божедомка)*...

А что делается сейчас? Много ли в наших городах и посёлках улиц и переулков, которые назывались бы: Ленинская, Матросовская, Халтуринская, Желябовский, Гого-

левский? На наших глазах и при нашем общем попустительстве произошла невероятная инверсия: слово «улица» переместилось справа налево. На угловых табличках и на домовых фонарях пишут: «Ул. им. 25-го Октября», «Ул. Восстания», «Ул. Петра Лаврова», «Ул. Железнодорожная», «Ул. Машиностроительная»... Изобразить на табличке эти словосочетания нетрудно, а вот пользоваться ими в живой речи почти невозможно. Поэтому и входят (и уже вошли, к сожалению) в разговорный обиход такие варварские обороты, как:

— На Восстания угол Некрасова... Угол Лазо и Щорса... Угол Энгельса и Мичурина...

Или — ещё лучше:

— Где вы живёте?

— На Полярников, шесть.

На каком это, спрашивается, языке? И какой это падеж?

А чего стоят эти ужасные возгласы, которые мы ежедневно слышим у себя за спиной в автобусе и в трамвае:

— На Марата выходите? На Маяковского вылезаете?

Откуда же вылезли вдруг эти словесные уродцы? В том-то и дело, что вылезли они не вдруг. Думаю, что среди прочих причин, вызвавших к жизни это повсеместное косноязычие, немалую роль сыграли вопросы пиетета, боязнь проявить фамильярность, непочтительность. Ведь куда спокойнее назвать новую улицу «Проспект имени тов. И. И. Иванова», чем просто «Ивановская». А будут ли в народе называть эту улицу так, как она обозначена на табличке, — об этом меньше всего думают. А заодно и о том не думают, что в словах «живу на Иванова, шесть» гораздо больше неуважения к тому же тов. Иванову, чем в словах «живу на Ивановской, шесть».

Интересно, между прочим, что дурная практика эта, получив столь широкое распространение, не проникла почему-то в подземное царство, не отразилась на названиях станций наших метрополитенов. Возможно, что тут сказалась и практическая необходимость: название станции должно быть звучным, чётким, предельно кратким. Ведь им пользуются не только пассажиры, но и работники метрополитена; о станциях даются справки, о них объявляют по радио, по селектору. Как бы то ни было, а станции нашей подземки — и в Москве, и в Ленинграде — не в пример своим «соседям наверху» носят, как правило, имена, отвечающие духу и обычаям русского языка. Там, где наверху «Площадь Дзержинского», внизу — просто «Дзержинская», где на земле «Проспект имени Н. Г. Чернышевского», под землёй — краткое «Чернышевская». Имена эти между собою спорят, и кто в этом споре окажется победителем, — угадать нетрудно.

И. Е. Репин заметил как-то, что народ язык блюдёт органически. Справедливое вообще, это замечание справедливо и по отношению к такому, казалось бы, второстепенному раздлу словаря, куда входят названия улиц. И здесь, оберегая чистоту родной речи, народ наш свято блюдёт её законы и традиции.

Есть в Ленинграде улица имени Блохина — бывшая Церковная. Недавно я заказывал по телефону такси. Диспетчер позвонила и говорит:

— Машина номер такой-то выходит с Блохиной. (Не с Блохина, как говорят обычно, а именно с Блохиной!)

Помню, как порадовала меня эта поправка, внесённая скромной русской девушкой в языковую неуклюжесть, допущенную городской администрацией. Скажут, что это не совсем точно: с Блохиной. Надо было сказать: с Блохинской (как с Пушкинской, а не с Пушкиной). Ведь название улицы пошло не от блохи, а от Блохина, славного питерского трамвайщика-большевика. Но вспомним, что есть у нас в Ленинграде Апраксин двор и Апраксин переулок: есть Аничков мост и Аничков дворец, и существуют эти имена вполне законно, хотя идут не от Апракси и не от Анички, а от графа Апраксина и подполковника Аничкова.

За последние годы застроился в Ленинграде огромный, некогда захолустный район — Новая Деревня. Главная магистраль этой новостройки — улица Савушкина, названная так в честь лётчика-гвардейца, героя Отечественной войны... Не успела эта улица оформиться, обрасти домами, а уж новосёлы именуют её — Савушкиной улицей. Никто не скажет: «живу на улице Савушкина», а все — «живу на Савушкиной».

Такие «поправки» советский человек вносит на каждом шагу. Всё чаще и чаще приходится слышать: «живу на Маяковской», «на Чайковской», «еду на Кировский», «выхожу на Чернышевском»...

В Петрозаводске улицу, официально именуемую *шоссе имени 1 Мая*, местные жители зовут по домашнему: *Первомайка*.

Процесс этот продолжается и будет продолжаться, пока неуклюжие, топорные имена и названия не обтешутся, не придут в соответствие с нормами языка. Всё, конечно, рано или поздно утрясётся, уляжется, утрамбуется, но зачем, спрашивается, ждать, с какой стати создавать искусственную пропасть между официальным наименованием и так называемым просторечием?! Чего ради, скажем, называть новую ленинградскую улицу *улицей маршала Говорова*, когда заведомо известно, что рано или поздно она всё равно превратится в Говоровку или в Говоровскую? Что за нелепые, громоздкие, трёхэтажные — и по духу своему не русские! — названия: *площадь Дворца культуры имени С. М. Кирова*, *улица Красного Электрика*, *улица Красных Текстильщиков*, *улица Союза Печатников*... Или попробуйте, не переводя дыхания, произнести такое вот имечко: *улица имени пятнадцатилетия Красной Армии*. А ведь до войны улица с таким пышным титулом существовала. Существовала, конечно, лишь номинально — в справочниках, на фонарях, на угловых дощечках. Вслух эту улицу никто, кроме трамвайных и автобусных кондукторов, так не называл. И не потому, разумеется, что народ наш недостаточно любит нашу армию (подобная мысль советскому человеку и в голову не придёт!), а потому, что такие вычурные, витиеватые названия, какой бы высокий смысл ни был в них зало-

жен, противоречат духу нашего языка. То, что хорошо для француза — какая-нибудь «рю дю катора жюйе», — никак не укладывается в нормы языка русского.

Пора, давно пора по-настоящему упорядочить дело наименования и переименования. Вопрос этот не такой уж пустячный, каким он кажется на первый взгляд. Если мы проявляем заботу по отношению к памятникам нашей старины, то разве нет у нас оснований позаботиться и об охране прекрасного языка нашего?!

Тут, в заключение, уместно будет сказать ещё об одном. Не слишком ли часто и не слишком ли щедро мы переименовываем наши старые улицы? Ведь сплошь и рядом название улицы — такая же ценность и такая же реликвия, как и всякая другая вещественная, каменная или бронзовая достопамятность. А всегда ли мы помним об этом?

Сейчас, когда возвращаются старые имена многим древнейшим русским городам, не стоит ли подумать и о наших древнейших улицах, не время ли приостановить их расточительное переименование? Мы так много строим и ещё больше будем строить, что хватит места и простора для новых улиц и для новых наименований.

1959

ЕЩЁ РАЗ О ТОМ ЖЕ

Года три назад я уже писал о том, как неудачно подчас называют и переименовывают у нас улицы. На мою заметку в «Литературной газете» откликнулся тогда Моссовет: ответственности нашей было обещано, что в дальнейшем к вопросу наименования улиц будут подходить более бережно, ни одно старое, исторически сложившееся название не будет без особой нужды тронуто.

Недавно в «Комсомольской правде» В. Песков с большой горечью заметил, что по меньшей мере одно такое название всё-таки тронули... Он пишет: *«Я коммунист, мне дорого высоко чтимое на земле имя Маркса. Но я не убеждён, что мы правильно поступили, изменив название улицы Охотный ряд. Любую самую богатую и нарядную из новых улиц Москвы можно было назвать именем Маркса. А название „Охотный ряд“ сохранить. Это история. Два этих слова „Охотный ряд“ в сопоставлении с нынешним центром Москвы дают тот же эффект, что и развалины древней стены в современном римском аэропорту».*

В самом деле, почему же мы так неуважительно, так не по-сыновьи небрежно относимся к нашей старине, в том числе и к не вещественным её памятникам — к именам наших древних городов, к названиям улиц?! Возможно, я бы не стал возвращаться к этому вопросу, если бы не одно обстоятельство, по-настоящему меня взволновавшее... Читаю недавно в местной газете заметку о том, что *«очень важно, как называются новые улицы, проспекты, площади, набережные, переулки города Ленина, какие названия даются старым улицам,*

имена которых уже давным-давно устарели». Уже одни подчёркнутые мною слова пугают, настораживают. А на днях узнаю, что редакция обратилась к читателям с просьбой «*включиться в работу по переименованию магистралей Ленинграда*». Значит, это уже кампания! Это не что-нибудь, это уже работа! И читатели широко откликнулись на призыв газеты. «*Десятки интересных предложений вносят читатели*», — радостно сообщает редакция. Что же это за предложения? Огорчительно даже перечислять их. Читателю М. А. Виноградову, например, не нравится название Загородный проспект. Он пишет: «*Когда-то окраинный, Загородный проспект ныне оказался в самом центре Ленинграда. А название „Загородный“ звучит анахронизмом*». И тут же вносится предложение: переименовать!

Читательницу А. Ходунову не устраивает название *Обводный канал*. А. Аникину кажется анахронизмом *Глухая улица*. И. Сазонову — *Тучков мост*.

Удивительно, что никто не предложил переименовать Фонтанку, на которой нет никаких фонтанов, Садовую, Крюков канал, Мойку...

Попробую объяснить товарищу Виноградову и тем, кто разделяет его мнение, что Загородный проспект в нашем городе (как и Невский, и Садовая, и Марсово поле, и Посадские улицы) такой же «аняхронизм», как, скажем, Московский Кремль, как лондонский Сити, киевский Крещатик, берлинская Фридрихштрассе, таллинская Ратушная площадь...

То, что Загородный оказался в центре города, в пяти или шести километрах от нынешней границы города, только прибавляет прелести этому старинному названию. А кроме того, это название (как и Глухая, и Немощёная, и тысячи других подобных «аняхронизмов») постоянно напоминают нам (и будут напоминать нашим потомкам) о проделанном нами пути, о прогрессе, о том, как далеко шагнул человек...

Среди читательских предложений, обнародованных газетой, есть несколько правильных. Например, многие предлагают увековечить имена наших славных полководцев: Фрунзе, Блюхера, Тухачевского... Такие патриотические предложения нельзя не приветствовать, но при этом я должен повторить то, о чём уже говорил раньше и о чём сказал в упомянутой статье В. М. Песков: мы так много строим, — и строим чем дальше, тем больше, — что вовсе не требуются никакие переименования. Найти подходящую, достойную дорогого нам имени улицу можно в любом районе новой застройки. А старые кварталы наших городов должны оставаться в этом смысле (и не только в этом!) навсегда заповедными. Имена городов и улиц следует охранять столь же бережно и любовно, как охраняются у нас (к сожалению, тоже не всегда и не везде) памятники архитектурные. Всякое же переименование старого (если целесообразность такого переименования будет доказана) должно быть всегда событием. Прежде, чем дать новое имя городу, улице, переулку, надо его широко и всесторонне обсудить.

И ни в коем случае нельзя допускать к этому делу людей случайных, невежественных, не знающих истории, не обладающих вкусом!.. Мне скажут: это само собой разумеется! Нет, само собой не разумеется. Посмотрите, какие предложения читателей редакция реко-

мендует в качестве «интересных» и «удачных». Страшно делается. Для набережной Обводного канала предлагаются названия *Хрустальная*, *Чистая*. Для других улиц и проспектов: *Солнечная*, *Дружная*, *улица Здоровья*, *проспект Гостеприимства*, *улица Грядущего*, *улица Невской Волны*, *проспект Белых Ночей*, *проспект Молодости*, *площадь Исканий*, *площадь Легенды...*

Простите меня, милые мои земляки, но то, что вы предлагаете и поддерживаете, это — пошлость. Ведь обсуждается, насколько я понимаю, вопрос не о продукции парфюмерной или кондитерской фабрики. Речь идёт о названиях улиц одного из прекраснейших городов мира.

Что же надо делать, кто должен вступить, сказать веское слово, чтобы кончилась наконец эта свистопляска, это повседневное, не встречающее противодействия надругательство над нашим языком, над нашей историей, над нашим прошлым и будущим?!!

Не стоит ли подумать об издании закона, по которому название города, села, улицы, площади, переулка может быть взято под охрану специальной комиссией, как берутся под охрану каменные, бронзовые и деревянные памятники нашей старины?

1962

Л. Пантелеев (настоящее имя и фамилия Алексей Иванович Еремеев, 1908–1987) родился в Петербурге. Во время Гражданской войны много скитался по стране, в 1921 г. вернулся в Петроград и попал в школу социально-индивидуального воспитания имени Достоевского для трудновоспитуемых, увековеченную им в повести «Республика ШКИД». В школе получил прозвище Лёнька Пантелеев «в честь» известного петроградского уголовника. В 1925 г. вместе со своим соучеником Григорием Белых (в повести — Черных) написал «Республику ШКИД», ставшую самым издаваемым его произведением. Позже получил известность как детский писатель, автор многочисленных рассказов, повестей и сказок (самые известные — «Пакет», «Индиан Чубатый», «Честное слово», «Буква „ты“»). Первую блокадную зиму провёл в Ленинграде, позже был вывезен в Москву. В родной город вернулся в 1944 г. и прожил в нём всю оставшуюся жизнь.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Колесин Александр Николаевич

Окончил историко-педагогический факультет Новосибирского государственного педагогического института и аспирантуру философского факультета Ленинградского государственного университета. Методист и педагог-организатор учебно-воспитательного отдела Центра восстановительного лечения «Детская психиатрия» имени С. С. Мнухина. Автор серии историко-краеведческих статей и циклов передач на «Радио Мария» по истории Императорской Николаевской детской больницы.

Мартынов Геннадий Георгиевич

Окончил Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской. Библиограф, историк литературы, журналист. Лауреат первого и шестого киришских открытых городских краеведческих конкурсов «Наследники бестужевских традиций» 2012 и 2017 гг. Дипломант литературного конкурса «Неизвестный Петербург» 2013 г. Один из авторов «Большой Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013). Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 2017 г.

Романовская Марина Владимировна

Окончила Санкт-Петербургскую государственную педиатрическую медицинскую академию. Кандидат медицинских наук. Врач высшей квалификационной категории по специальности «Психиатрия». Главный врач Центра восстановительного лечения «Детская психиатрия» имени С. С. Мнухина.

Рыжков Андрей Борисович

Окончил Санкт-Петербургскую государственную академию авиакосмического приборостроения (ранее Ленинградский институт авиакосмического приборостроения). Краевед, принимает активное участие в совершенствовании Реестра названий объектов городской среды Санкт-Петербурга, автор ряда публикаций в СМИ на топонимические темы. Один из авторов «Большой Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013). Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга в 2008–2017 и в 2019–2023 гг.

Тимофеев Александр Генрихович

Окончил Ленинградский государственный университет. Историк литературы. Кандидат филологических наук. Автор источниковедческих исследований и архивных публикаций о творчестве М. Кузмина и иных явлениях русской литературной культуры первой трети XX века. Историк русской эмиграции в Финляндии между двумя мировыми войнами. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза российских писателей.

Издание подготовлено
СПб ГБУДПО
«Институт культурных
программ» при поддержке
Комитета по культуре
Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург,
ул. Рубинштейна, 8
Тел./факс: +7 (812) 570-40-45
E-mail: toponim@spbicp.ru

Редколлегия:
Алексей Владимирович
Геннадий Мартынов
Андрей Рыжков

Выпускающий редактор:
Елена Хацкевич

Дизайн обложки:
Павел Яковлев

В оформлении обложки
использованы фотографии
Ирины Ивановой

Мнение авторов может
не совпадать с мнением
редакции

Оригинал-макет
ИП Копыльцов Павел Иванович
г. Воронеж, ул. Маршала Неделина,
д. 27, кв. 56

© Институт культурных программ, 2023
Полное или частичное
воспроизведение издания
запрещено без письменного
разрешения СПб ГБУДПО
«Институт культурных программ»

Топонимический портал
Санкт-Петербурга

toponimika.spb.ru

Петербург в названиях

vk.com/toponimica

Турухтанний канал

youtube.com/@TuruhtannijKanal

ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНЫХ
ПРОГРАММ
Санкт-Петербург